
Огонек
25

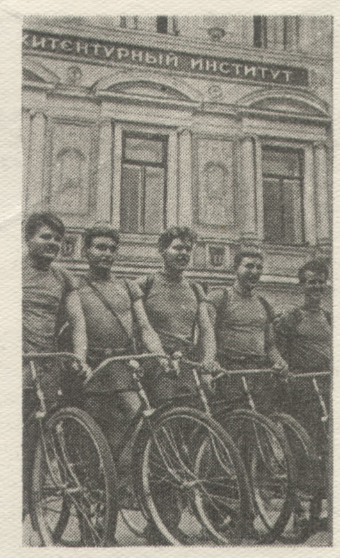
ПО СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

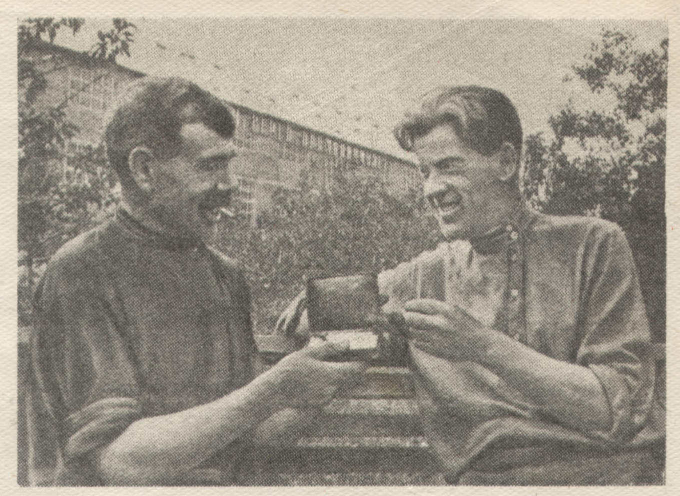
Этот уголок парка заснят не на южном курорте, как может показаться с первого взгляда. «Действие» происходит в городском саду Чапаевска, нового, социалистического города, выросшего в Куйбышевской области, на месте села Иващенкова.

В брестском областном Доме партийного просвещения открылась выставка «Жизнь и деятельность товарища Сталина». У витрин выставки.

Архитектура западных областей УССР и БССР, с их памятниками седой старины, вызывает законный интерес у молодежи, обучающейся в Московском архитектурном институте. Комсомольцы Института устроили велопробег по маршруту Москва — Минск — Белосток — Львов — Киев, поставив перед собой задачу — изучить архитектуру этих областей. На снимке слева направо: В. А. Лукьянов, командор велопробега; Е. И. Кувшинов, политрук; Г. Г. Лебедев; П. И. Скокан и Н. К. Базалеев.

Как не гордиться Дмитрию Максимовичу Зотову (справа) и Федору Егоровичу Пиняеву! Исполнилось 40 лет производственной работы этих двух лучших стахановцев Московского орденоносного станкостроительного завода имени Орджоникидзе. В 1900 году они начали свою трудовую жизнь на Коломенском заводе.

В Советской Молдавии. Учителя 13-й советской школы города Кишинева собрались на совещание. Обсуждается вопрос о подготовке к первому учебному году. В центре: директор школы тов. Добында, ранее был учителем и завхозом этой школы.

Здесь будет выситься грандиозное творение сталинской эпохи — Дворец Советов в Москве. На снимке: общий вид работ на строительной площадке.

В сентябре 1924 года крестьяне местечка Татарбунары (Молдавская ССР) восстали против жестокого оккупационного режима румынских бояр. Сотни повстанцев были расстреляны, сосланы на каторгу. С приходом Красной Армии братские могилы погибших участников восстания приводятся в порядок, устанавливаются ограды и мемориальные доски. На снимке: участник татарбунарского восстания, пробывший много лет на каторге, П. А. Карпов рассказывает красноармейцам у братской могилы о зверствах румынских оккупантов.

На обложке: братья Гаврищуки — гуцулы. Слева направо: Григорий — в прошлом лесоруб, ныне депутат Верховного Совета СССР, Дмитро — мастер лесоразработок, и Петро — председатель сельсовета. Фото Г. Зельма и Н. Колли. **На последней странице обложки:** алтайский пейзаж. Фото А. Узлян.

18-й год издания

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 25
(712)
вторник, 10 сентября
1940 года

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Учащенно бились сердца миллионов, энтузиазмом борьбы и победы, неописуемой радостью был охвачен весь советский народ в день, который никогда не забудется,— семнадцатое сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года. В этот день волны радио разнесли на весь мир весть:

«СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО СЧИТАЕТ СВОЕЙ СВЯЩЕННОЙ ОБЯЗАННОСТЬЮ ПОДАТЬ РУКУ ПОМОЩИ СВОИМ БРАТЬЯМ-УКРАИНЦАМ И БРАТЬЯМ-БЕЛОРУССАМ, НАСЕЛЯЮЩИМ ПОЛЬШУ».

С восторгом и ликованием прислушивалось к этим словам главы советского правительства товарища В. М. МОЛОТОВА трудящееся население Западной Украины и Западной Белоруссии, два десятилетия находившееся под гнетом польских панов.

Пробил долгожданный час освобождения!

И в тот же светлый, незабвенный день, с именем Сталина на устах, двинулись бойцы доблестной Красной Армии в свой героический освободительный поход. Они взяли под свою надежную защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Они вывели их из ужасов империалистической войны. Они очистили эти области от разнузданных орд польской военщины, стремившейся ознаменовать жалкий конец своего зверского господства мстительными расправами, массовыми убийствами.

Триумфальным был путь Красной Армии, стремительно гнавшей врага и встречаемой повсеместно горячей благодарностью народных масс, красными знаменами и цветами приветствовавших своих освободителей — вооруженных сынов Советского Союза.

Горю, нищете, слезам, насилию, бескультурью, эксплоатации, национальному гнету пришел конец! Советская власть отдала землю, захваченную польскими магнатами-помещиками, тем, кто орошал ее своим потом, трудящемуся крестьянству. Еще так недавно находившиеся в руках паразитов фабрики, заводы и шахты стали собственностью народа, собственностью его социалистического государства. Во дворцах польских феодальных владык размещены ныне школы, детские ясли. Широко, безгранично открыты возможности для расцвета культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. Население западных украинских и белорусских областей зажило единой жизнью со всей великой семьей народов Страны советов.

Семнадцатое сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года вошло в историю как великий день освобождения и праздник народов. Вместе с трудящимися западных областей Советской Украины и Советской Белоруссии его празднуют освобожденные народы Бессарабии и Северной Буковины, народы советских республик Латвии, Литвы и Эстонии, весь необъятный Союз шестнадцати советских социалистических республик.

Слава могучей стране победившего социализма! Слава доблестной Красной Армии-освободительнице!

Слава вождю народов, вдохновителю нашей борьбы и наших побед, собирателю советской земли, гению революции Иосифу Виссарионовичу Сталину!

«Освобожденные от панского гнета крестьяне встречают Красную Армию».

Панно работы худ. П. Соколова-Скаля.

Илья Эренбург

ПАДЕНИЕ ПАРИЖА

2. АГОНИЯ

В ночь с девятого на десятое мая парижане проснулись от лая зениток. Утром они узнали, что немцы перешли бельгийскую границу. «Ну и война» кончилась. Началась настоящая война, не за тридевять земель — рядом, и одиннадцатого мая в газетах были напечатаны фотографии разрушенных французских домов, убитых французских женщин.

Двенадцатого мая меня арестовали. Полицейские (в штатском) были любезны; один даже заговорил о «Хуренито». Меня посадили в камеру, где находилось человек двадцать. Был здесь рабочий-словак с четырнадцатилетним сыном. Его обвиняли в том, что он не пошел добровольцем на фронт; не знаю, в чем обвиняли его сына. Из тюрьмы Санте привели испанца; он отсидел свой срок; его направляли в лагерь. Войдя в нашу каталажку, он восхищенно вскрикнул: «Как здесь хорошо!» Арестованных не кормили, но иногда приходил официант и за непомерно высокую плату приносил обед из ресторана. Потом мне сказали: «Вас высылают из Франции». Я ответил, что давно жду выездной визы, но визы мне не дали: один отдел префектуры меня высылал, другой меня задерживал.

Тринадцатого мая на парижских бульварах появились автомобили, изрешеченные пулями. Все дороги из Бельгии были забиты беженцами.

Армия генерала Корапа, защищавшая сектор Седан — Шарлевилль, не выдержала удара. Потом все спрашивали, что произошло: беспечность или измена? Рассказывали, что во время боев генерал Корап находился в Париже. Мосты через Маас не были взорваны. Путь на Париж был открыт.

Шестнадцатого мая немцы могли бы войти, точнее, въехать в Париж. Они повернули к морю. Парижане облегченно вздохнули: «Они идут на Лондон».

Газеты напечатали романтическую историю о бельгийском цикории «Паша», будто бы плакаты «Паша» на дорогах помогали неприятелю определять направление. В Париж приехала на машине семья бельгийских беженцев. На бульваре Осман бедняг чуть не растерзали. Оказалось, они покрыли машину брезентом с маркой злосчастного цикория.

Шли бои. Каждый день женщины узнавали о смерти мужей: им приносили шестьсот франков, это означало: муж убит.

Люди побогаче и поосторожней отсылали семьи в Биарриц или в Ла Боль. В Париже исчезли автобусы: их реквизировали для беженцев. Я видел людей из Седана, из Лонгви. Они рассказывали: «Не осталось ни одного дома...» Полиция отгоняла прохожих от беженцев.

Семнадцатого мая пал Брюссель. Биржа ответила на это повышением ценностей.

Газеты продолжали писать о «пятой колонне». Они придумали, что в Голландии коммунисты укрывали парашютистов. Русские белогвардейцы в «Возрождении» возмущались терминологией: «Пятая колонна — высокое понятие...»

Радио ежечасно передавало последние новости, но восемнадцатого мая радио молчало о том, что происходит в ста двадцати километрах от Парижа. Радио сообщало о далеком Нарвике.

Беженцы сидели на скамьях, на ступеньках лестниц, на тротуарах. Этой весной в Париже были модными крохотные дамские шляпки причудливой формы. Вместе с заплаканными лицами и с узлами они придавали улице вид трагического карнавала.

Девятнадцатого мая полицейским роздали винтовки. Под Парижем начали рыть укрепления.

Рабочие хотели защищать свою страну, но они не верили правительству, и правительство боялось рабочих. На военных заводах рабочие предложили увеличить продукцию. Они потребовали удаления полицейских, дежуривших в цехах. В ответ власти арестовали рабочих авиозаводов. В одном 18-м округе Парижа шестьсот рабочих послали в лагерь.

На бульваре Монпарнас полицейские раз десять в день останавливали художников: очевидно, длинные волосы и небрежность костюма казались признаками «пятой колонны».

Начались молебны. Германским танкам отвечали кадильницы. Рейно, забыв присущий ему скептицизм, направился в собор Парижской богоматери.

Двадцатого мая газеты сообщили, что в Англию прибыл из Бельгии претендент на французский престол; он привез урну с горстью французской земли.

Солдаты в Пикардии, отрезанные от других армий, отчаянно защищались. У меня было много друзей в Северной армии. Потом мы узнали, что спаслись профессор Пренан и Арагон. Режиссер Лодз был тяжело ранен. Карикатурист Эффель пропал без вести. Бои были жестокими: атаки, контратаки — не успевали подбирать раненых.

Одни говорили, что генерал Гамелен застрелился, другие, — что он арестован. Все меньше было вестей, все больше слухов. На место Гамелена назначили Вейгана. Во время «ну и войны» Вейган называл себя «пожарным». Я вспоминаю пожар в Марселе за год до войны. В миллионном городе не нашлось ни пожарных лестниц, ни насосов. Впрочем, кто знает: хотел ли Вейган действительно справиться с огнем?..

Двадцать первого мая Рейно выступил в сенате с речью о катастрофе. Пали Аррас и Амьен. Рейно в своей речи произнес слово «измена». В газетах и в радиопередачах «измену» заменили «ошибкой».

Народ, однако, повторял: «Измена». Солдаты не доверяли ни правительству, ни командирам. Страна, как туманом, покрылась слухами. Испуганные люди видели воображаемых парашютистов: то в предместьях Парижа, то на Елисейских полях.

На улицах все больше и больше было беженцев. Они молча сидели возле вокзалов. Немцы бомбили Гавр, Дьепп, Кан. Теперь люди бежали не только с севера и востока, но и с запада. Они рассказывали о разрушенных домах, об убитых или потерянных детях.

На каждом шагу проверяли документы.

Фланден, Дорио, Белен попрежнему, не стесняясь, мечтали о капитуляции.

Шофер такси, русский белогвардеец, восторженно гогоча, сказал мне: «Вот они и проиграли войну!..»

В маленьком кафе на улице Ассас сидели солдаты, рабочие, женщины. Я вошел и услышал: «Нас предали. Коммунисты — патриоты, а они коммунистов похватали...»

Двадцать пятого мая был тяжелый, душный день. В лавке кто-то сказал: «Это перед грозой». Лавочница ответила: «Перед концом. Берите сгущенное молоко и сахар — скоро ничего не будет».

Новый министр Ибарнегарэ предложил для спасения Франции выслать всех испанских республиканцев.

Двадцать шестого мая я встретил одного министра. Он говорил: «Постепенно все наладится...» Он только-только начал обкуривать пенковую трубку и, видимо, надеялся спокойно ее обкурить.

Двадцать седьмого мая я видел беженок с севера, которые не спали уже десять ночей. Гостиницы Парижа пустовали, но никому не приходило в голову, что можно разместить там несчастных женщин.

Двадцать восьмого мая капитулировала бельгийская армия. Газеты возмущались поведением «коварного короля», особенно возмущались друзья Петэна и Лаваля.

В тот день меня снова арестовали. Комиссар, производивший обыск, был эстетом. Прищурив глаз, он с видом знатока смотрел картины и говорил моей жене: «У вас богатая палитра». Ему помогал русский белогвардеец по прозвищу «Анатоль». Анатоль явно решил в тот день ознакомиться с советской литературой, и обыск длился долго. Кроме того Анатоль признался коллегам, что ему не хватает двух томов «1001 ночи», и эти тома припрятал. Во время обыска в моей квартире была уборщица Клеманс. Полицейские ее злили, и она сурово сказала: «Лучше бы вы арестовали не monsieur Эренбурга, а бельгийского короля». В каталажке на этот раз было много французов. Женщина поплатилась за нелестный отзыв о герцоге Виндзорском. Рабочего посадили за то, что он сказал: «Они-то все равно снюхаются...» Комиссар на допросе объявил мне: «Вы сказали по телефону: «У меня все готово», — это явно относилось к революционному бунту». Я рассмеялся. Он ответил: «Не смешно».

Двадцать девятого мая газеты писали исключительно о Нарвике. Север Франции как бы перестал существовать.

Тридцатого мая полиция арестовала одного бельгийца за то, что он сказал: «Король и Спаак стоят друг друга».

Тридцать первого мая к президенту республики пошел защитник четырех рабочих. Это были восемнадцатилетние юноши, приговоренные к расстрелу «за саботаж». Дело было подстроено провокатором. Против пересмотра или помилования высказался «социалист» Сероль.

Вечером в ресторанчике на улице Монпесье мирно ужинали актеры «Французской комедии». Рядом дверь мастерской была раскрыта на узкую, старую уличку. Художница писала натюрморт «Анютины глазки». Кот на длинной привязи гулял по мостовой. Потом я услышал, кто-то сказал: «Нет азотной кислоты, ничего нет...»

Первого июня все ждали, что скажет Муссолини, волнуясь, стояли у приемников. Рим передал очерк о достоинствах помпейской живописи.

Третьего июня Париж подвергся жестокой бомбардировке. Было это днем, и сразу вслед за сиренами мы услышали разрывы. Пострадали наш 15-й округ (здесь много заводов) и 16-й — несколько тихих уличек. Особенно пострадали предместья. Насчитали до двух тысяч жертв. Увидев в полуразрушенном доме платье на гвозде, я многое вспомнил. Ветер приподымал платье. Одна бомба упала возле дома, где я жил, но не разорвалась. Население вело себя спокойно; паники не было; люди боялись не бомб.

Четвертого июня я был за городом, в Сен-Клу. В лесу стояли танки. Кое-где работали саперы. В ресторане «Жареный кролик» парижане спокойно ужинали. Только хозяин, волнуясь, проливал вино на скатерть: он был итальянцем. За крайним столиком сидела парочка: молодая женщина, солдат. Они вышли; он надел каску и простился. Женщина плакала. Он сказал, улыбаясь: «Все будет хорошо».

На следующее утро немцы повели наступление; они шли на Париж, охватывая его с запада и с востока. О «линии Вейгана» все говорили с усмешкой. Приехали первые солдаты, вырвавшиеся из Дюнкерка. На все вопросы они отвечали одним словом: «Ад».

Шестого июня Рейно произнес по радио очередную речь. Парижане говорили: «Значит, правительство еще в Париже». Клеманс старалась успокоить себя: «В 14-м немцы были еще ближе и все-таки не вошли в Париж».

Стояли знойные дни. По ночам мешали спать зенитки. Все говорили об эвакуации. Многие уезжали. Проходя по площади Обсерватории, я увидел, что эвакуировали еще одного парижанина: рано утром увезли

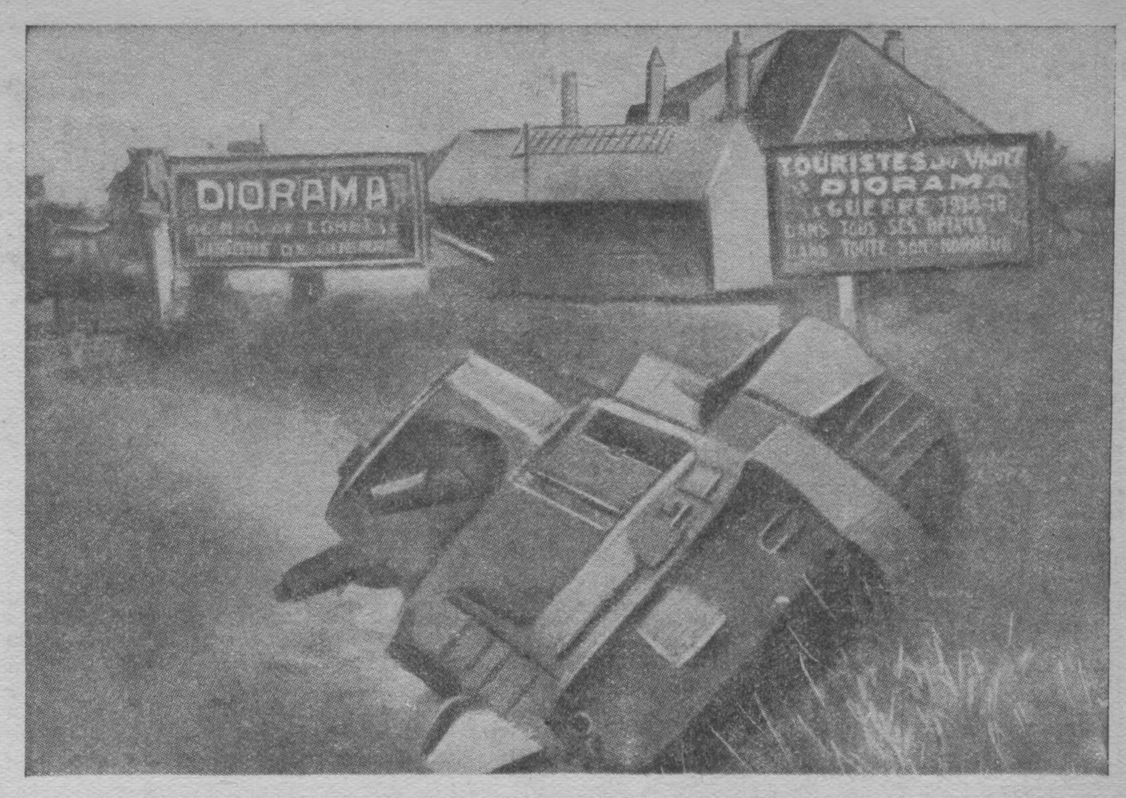
(Окончание см. на стр. 4).

ВИДЕНИЯ ВОЙНЫ

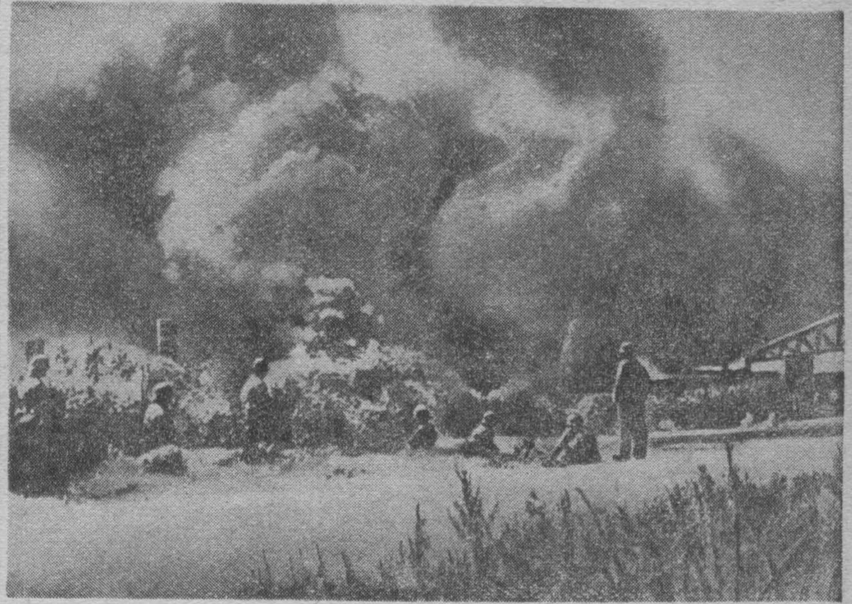
«Туристы, ознакомьтесь с диорамой войны 1914—18 годов со всеми ее деталями, со всеми ее ужасами», — гласят колоссальные рекламные плакаты, сооруженные на полях битв первой мировой империалистической войны. Вы видите их на верхнем фотоснимке справа. Сюда, в этот уголок Фландрии, как и на поля Северной Франции, хранящие следы былых ожесточенных сражений, стекались толпы туристов. Здесь, в поисках «сувениров», вокруг братских могил слонялись утомленные богатством и бездельем, жаждущие сильных ощущений американские миллионерши, английские лорды, скотопромышленники из Южной Америки. К услугам их были специальные конторы с гидами и путеводителями, а также отели с ресторанами.

Ныне на этом же поле во Фландрии фигурирует «свежий» экспонат второй империалистической войны, в виде подбитого танка последней модели, занимающего передний план того же фотоснимка.

Остальные фотоснимки также показывают видения войны 1940 года, следы майской «Северной битвы»: в центре слева — немецкий танк на улице деревни в Северной Франции; рядом справа — пожар на французской фабрике, подожженной огнем германской артиллерии; внизу слева — после налета германских бомбардировщиков; внизу справа — остатки отступавшего французского обоза.

статую маршала Нея; осталась только надпись на цоколе: «Князь бородинский».

Седьмого июня на заседании правительства два министра предложили последовать примеру «коварного короля». Эти министры вышли в отставку, но президент республики поспешил официально принять Лаваля. По рукам ходили списки второго запасного правительства — на случай капитуляции. Маршал Петэн входил в оба правительства: в действующее и в резервное.

Восьмого июня писатель Блок и несколько профессоров предложили министру внутренних дел освободить арестованных коммунистов. Министр ответил, что коммунисты — патриоты, но освободить их нельзя, так как правительство потеряет голоса «социалистов». Министр подсчитывал парламентские голоса и жаловался, что у правительства не будет большинства: правые возмущены арестом пяти реакционных журналистов.

В этот день немцы заняли Нуайон.

Девятого июня был хороший воскресный день. В Булонском лесу было много гуляющих. Катались в лодках. На террасах кафе нельзя было найти свободный столик. Днем пошли слухи, что немцы взяли Руан. Началась паника. Толпы ринулись к вокзалам. Посадка на поезд длилась два — три часа. Радио вместо военных сводок передавало религиозную церемонию: посол Буллит, коленопреклоненный перед статуей Жанны д'Арк, повторял: «О, Жанна, от имени президента я подношу тебе красную розу!»

Вечером мы узнали, что правительство покидает Париж.

Десятого июня «Пари суар» решила успокоить парижан. Газета поместила фотографию — купанье собак в Сене — с подписью «Париж остается Парижем».

Парижане, впрочем, не успокоились, и Париж не оставался Парижем: Париж уходил из Парижа. С утра нельзя было пробраться к вокзалам. По всем улицам, ведущим к южным заставам, тянулись нескончаемые вереницы автомобилей, грузовиков, мотоциклов. Автомобили были покрыты тюфяками. На грузовиках громоздились сундуки, подушки, шкапы, птичьи клетки. Один за другим закрывались магазины, рестораны, кафе, и повсюду можно было увидеть два слова: «Временно закрыто».

Вечером нельзя было ступить шаг: город покрыл густой черный туман. Люди задыхались от гари. Это горели нефтехранилища. В черном тумане, без фар машины все ползли и ползли на юг.

Одиннадцатого июня начали уезжать на велосипедах, уходить пешком. Двинулись рабочие районы. Самой дорогой вещью стала детская коляска или ручная тележка: туда клали стариков, больных, детей. Беднота тащила на себе скарб. Старухи несли любимых дворняжек, котов. Я не могу забыть одну ручную тележку: парализованный старик, ребенок и собачонка. Тележку тащила женщина.

Вышла только одна газета со статьей ла Рока. Говорили, что он уехал накануне. Зато в Париже остался бывший префект Кьяпп. Зенитки не замолкали. Возле вокзала Монпарнас разросся гигантский табор: десятки тысяч людей ждали поездов на Бретань. Поездов больше не было, но люди все же ждали.

Двенадцатого июня не было газет. Радио замолкло. Закрылись продовольственные лавки. На тротуарах стояли мусорные ящики; никто не забирал мусора; ящики распространяли зловоние. В богатых районах раздирающе выли породистые пудели и скотч-терьеры, брошенные хозяевами. Спекулянты перепродавали место в машине или бидон с бензином. Какие-то чудаки мечтали, где бы купить лошадь. Рассказывали о счастливце: он достал осла. Бензина не было, и люди, отъехав полсотни километров, кидали машины, а дальше шли пешком.

Все бросили Париж: адвокаты, генералы, журналисты, — и Париж мог пожаловаться, как старый Фирс из «Вишневого сада».

Слышалась канонада. На кладбище Пер-Лашез еще зачем-то привезли орудия.

Эвакуировали несколько заводов — бестолково, наспех. Из министерств и учреждений вывозили никому не нужную мебель, этим хламом загромождая последние грузовики, а женщины с грудными детьми шли пешком.

Ночью в городе не было ни одного, даже синего огня. Шофер, который вез меня домой, сбился с пути. Я ничего не видел, но я слышал: по улицам шли и шли люди, бросая родной город.

Тринадцатого июня правительство вспомнило про Париж. На стенах появились листки: «Париж объявлен открытым городом». Радио призвало парижан не бросать своих домов, но город был уже пуст, и ничто не могло остановить запоздавших. Париж казался зачумленным; у всех была одна мысль — вырваться. На Лионском вокзале еще сидели тысячи безумцев: кто-то сказал им, что будет поезд. Одна женщина родила на перроне; не было ни врачей, ни полицейских. Канонада с севера приближалась. Улица Котентен, на которой я жил, опустела. Это рабочая улица возле товарной станции. Опустела и станция; стояли вагоны с маслом; масла в городе не было, но никто не грабил: не было и грабителей. К вечеру пришли сиделки и на ручных тележках увезли масло. В моем доме остался только консьерж. Я встретил уборщицу Клеманс, она сказала: «Почему они ушли? Ведь немцы никогда не войдут в Париж».

По шоссе, по дорогам, по тропинкам, по полям, по огородам двигались сотни тысяч, миллионы людей. Впереди шли немцы, но об этом никто не знал; за ними густыми ордами пробирались беженцы; позади шагала брошенная почти всеми командирами французская армия. Армия не могла идти: путь забивали беженцы.

Беженцы гибли от бомб, от пуль, от голода, от жажды, от смертельной усталости. Какие-то негодяи продавали воду — два франка за стакан. Восемнадцатилетняя дочка Клеманс (ее эвакуировали с учреждением) после одного из обстрелов лишилась рассудка.

В Ренн бомбили вокзал; там стояли поезда с беженцами. В Этампле голодные люди разгромили вагоны; там оказался только шоколад.

Крестьяне резали скот. Дома горели. Между Парижем и Луарой была пустыня; по ней метались пять миллионов обезумевших людей. Они мечтали об одном: перебраться на левый берег Луары. Мостов не было; они кидались вплавь.

Тринадцатого июня вечером снова горели нефтехранилища. Шел дождь, и он был черным. Черные струи стекали с неба. Я долго шел по прямой пустой улице. Я встретил только двух женщин; по их лицам текли черные слезы.

Четырнадцатого июня с утра над Парижем низко кружили германские самолеты. По улице Греннель бегал французский солдат; он кричал: «Как пройти к заставе?»

Четверть часа спустя я увидел немецкие танки. Я пришел домой. Консьерж меня спросил: «Что нового?» Я сказал: «Пришли немцы. Только что я видел их передовые колонны». Он отвернулся и ответил: «Этого не может быть. Вы, наверно, ошиблись».

На Неве. *Фотоэтюд Я. Халипа*

Мы миновали редкий мелкорослый лесок и подъехали к месту, которое раньше называлось границей. Проволочные заграждения тянулись еще вдоль лощинки, и одиноко на песчаном бугорке стоял столб, выкрашенный в белые и красные косые полосы.

— Давайте снимемся у столба, — предложил выискивавший необыкновенные виды фотокорреспондент Ивашин. — Все-таки интересно будет оставить напамять!

Мы вышли из машины и подошли к пограничному столбу, как бы забытому на старом месте среди всеобщей сумятицы. Столб был хорошо вкопан, и на железной дощечке под перистым одноглавым орлом было выбито «Rzecz Pospolita». Было тихо и безлюдно кругом — на таинственной вчерашней границе. За лощинкой, в которой протекала речушка, начиналась земля, возвращенная после двадцатилетнего разлучения.

— Становитесь вокруг столба, — распоряжался Ивашин, — а двое сядьте у их ног на бугре. Беседуйте между собой, будто ничего не случилось.

Мы сели у подножия пограничного столба и стали беседовать между собой, «будто ничего не случилось».

— Интересно, как убежали полицейские из местечка Красное, — сказал лейтенант Головня, привалившись к столбу. — Мы там в полицейском участке резиновых дубинок штук двадцать нашли.

— Так, так, — оживился Ивашин, нащелкивая нас своей «лейкой». — Показывайте дубинку, очень естественно.

Головня достал захваченную напамять дубинку, и мы стали ее осматривать.

— В городе Воложине, между прочим, освободили из тюрьмы четырех политических, — сказал капитан Комаров. — Они рассказывали, что в дефензиве на них здорово поработали такими дубинками.

— Что такое дефензива? — поинтересовался шофер Володя Речной.

— А это, видишь ли, помесь «бюика» с голодной собакой. Ты еще молодой — на такой марке не ездил.

— В дефензиве заключенным вливали в уши и рот воду, я слышал, — сказал Головня.

— Не надо напряженной позы, сидите свободно! — закричал на него Ивашин и стал целиться «лейкой».

— Мы в Воложин первыми влетели, кавдивизия еще только спускалась с горы. А танкам не было ходу: мост через речку был ветхий, — Володя покачал головой вспоминая. — Вот тебе и польское государство — тю-тю! — он подошел к столбу и потрогал дощечку с выбитым орлом и надписью. — Все мосты, между прочим, в Польше никуда не годятся. Я где ни ездил — везде надпись: «Мост слабый». Что у них трехтонок, что ли, не было?

— Нет, трехтонки были, только по деревенским дорогам им ходить было незачем. В деревне, дорогой товарищ, еще сохой ковырялись, — сказал Головня.

— Верно! Я один только трактор за все время видел, и то в графском имении. Шут их знает, о чем они в польском государстве только думали! — ответил Володя, пожимая плечами.

— Ну, брат, не говори, — засмеялся Головня, — думки у них на разные дела хватало. Товарищи рассказывали, в одном городе они школу шпионов нашли. Там всему учили, чему полагается: и как нашу границу переходить, и как табак по следу рассыпать, чтобы собака не учуяла, и как по железным дорогам к городам пробираться. А там, главное дело, на какой-нибудь военный завод поступить. Нет, дело это они до тонкости разработали.

— Дайте ему прикурить, товарищ лейтенант! — крикнул Ивашин. — Подпись будет такая: «Наши командиры беседуют у пограничного столба».

— Целишься, целишься, а толку не видно, — сказал ему сердито капитан Комаров. — Я еще ни одной твоей фотографии в газете не видел.

— Интересно знать, какие газеты вы за это время читали? — обиделся Ивашин. — А если газеты читали, то, значит, воевать было некогда.

— Стреляй, стреляй, — махнул рукой Комаров благодушно. — У тебя душа фотографа. Другой раз человек лекцию читает, или речь говорит, или парад принимает, скажем, так вы прямо на трибуну или под ноги лошади лезете. Опять же если вечером — с вашим адовым магнием...

— Значит, вы бездымного магния не видели, — попрежнему обидчиво ответил Ивашин. — А то, глядите, сделаю под фотографией подпись: «Перебежчик Комаров в панской Польше. Из архива дефензивы».

Он сделал последний снимок и сел рядом со всеми на бугор у столба.

— Между прочим, поудивлялись мы здесь крестьянской бедноте, — сказал Володя задумчиво. — Все до одного босые, как есть... а осень, земля холодная, злая. Ну, тут пастушонку мы одну повстречали... так она от помещика тридцать грошей в месяц за пастьбу получает. За целое лето как раз на ботинки. Вот, думаем, государство!.. А гóнору, гóнору! Мы под Вильно на офицеров, взятых в плен, посмотрели... ну, все в орденах, в сапогах, родовитые... А народ для них быдлом был.

— Значит, ты не знал, что такое дефензива? — спросил Комаров. — Это, брат, утром натощак с хреном кушать надо. Теперь, надеюсь, ты понял?

— Я теперь многое понял, — ответил Володя угрюмо. — Я первое время все удивлялся, чего же народ двадцать лет такое татарское иго терпел? А потом вижу, нет, крепко гайка была сверху завинчена. Тут паны хорошо жили, ничего не скажешь. Ну, конечно, расставаться со всем этим тяжело. Они с каждой колокольни по нашим стреляли. Нет, шофером на легковой ни за что не останусь. Буду проситься в танковую часть. Танкисты везде первые, а мы всегда к шапочному разбору попадаем.

Головня докурил и затоптал папироску в песок.

— Мы в казармах 1-го Уланского полка имени Мосцицького побывали... там для каждого офицера квартира в пять комнат, а на солдатских койках в казармах бока пролежишь.

— Зато имени Мосцицького — чего-нибудь стóит! — сказал с усмешкой капитан Комаров.

— Да он вовсе и не поляк, а швейцар, я читал, — перебил его Володя.

— Вот именно — швейцар. Все они швейцарами оказались, когда стало плохо. Прихожих в странах хватает. И народ свой побросали и все на свете...

— Народ! Народ сам по себе, а они сами по себе, — ответил Володя наставительно. — Вот он и показал, как он их любит — народ!

Мы поговорили о бывшем польском государстве, и можно было ехать дальше.

— Подождите, сделаю еще последний снимок! — крикнул Ивашин, опять нацеливаясь на нас аппаратом. — Товарищ Комаров, прислонитесь к пограничному столбу!

Комаров прислонился к пограничному столбу, и Ивашин сделал последний снимок. Мы стали садиться в машину.

— А интересное место, ей-богу, — сказал Володя, нажимая стартер. — Что там за надпись под орлом на столбе?

— «Rzecz Pospolita», — сказал я ему. — Это значит — «Польское государство».

— Отдайте его в Музей революции, этот столб, товарищ лейтенант, — сказал Володя не поворачиваясь, — вместе с вашей резиновой дубинкой.

Он дал газ, и машина покатила в глубину лесной просеки. Столб с косыми красными и белыми полосами и перистым орлом на железной дощечке остался одиноко стоять на бугре. Земля после двадцатилетней разлуки была снова соединена с родными землями, и только остатки проволочных заграждений еще напоминали о том, что недавно здесь проходила граница.

— Самое место для нарушителей, — пробормотал Володя, оглядывая подступавший к дороге лес. — Вот вернусь в свою часть, непременно подам заявление о переводе в танкисты!

За леском мы увидели белую каменную ограду костела, буковые деревья, и мельницу у запруды, и воду, сладившую гладким полукругом, с оторочкой из пены, и новые, казалось, не виденные еще никогда облака...

Янка Купала

ТЫ С ЗАПАДА — Я С ВОСТОКА

(Из западнобелорусских мотивов)

Ты с запада — я с востока
Нашей Белоруссии,
Никогда с тобою больше,
Брат, не разлучусь я.
Мои кони, твои кони
Уж не в мхах болотных
Бродить будут — в травах сочных,
На лугах зеленых.
Вместе поле пахать будем
Трактором могучим,
Сеять жито да пшеницу
На земле на тучной.
Угощаться будем вместе
С каждым новым годом
Веращакою[1] колхозной
И колхозным медом.
И слагать мы будем песни
Не на панской службе,
Песни будут о свободе,
О сталинской дружбе.

Перевел с белорусского
БОРИС БЕНДИК

[1] Веращака — национальное белорусское блюдо.

Год спустя...

Фотоочерк Г. Зельма и Н. Комли

Год назад в предгорьях Карпат, в деревнях Гуцульщины, послышался грохот приближающихся советских танков. Ликующей музыкой отдавался этот грохот в переполненных радостью сердцах гуцулов и всего украинского народа. Под натиском Красной Армии — освободительницы — бежали польские паны-угнетатели и вместе с ними уходила в вечность проклятая пора нищеты, невежества, запустения.

Лучи солнца засверкали над освобожденной Гуцульщиной, лучи новой жизни в лоне великой родины-матери — Союза Советских Социалистических Республик.

На своей, на свободной земле работают свободные советские граждане-гуцулы.

← Пришел конец насильственному ополячиванию, гонению на родной украинский язык. Сейчас не только детям, но и взрослым предоставляется самая широкая возможность учиться. С большим вниманием слушают взрослые ученики села Ясино-Горишино очередную лекцию.

← Молодежь активно участвует в общественной жизни. Первые комсомольцы села Криворивни своей работой показывают пример всем односельчанам.

↑

Село Ричка, Косовского района, славится своими непревзойденными резчиками по дереву; их мастерство вскоре увидят посетители Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Сенчук Семен готовит экспонаты.

Впервые в истории Гуцульщины в районном центре, городе Косове, открылась художественно-промышленная школа гуцульского прикладного искусства, где ребятам предоставлены все возможности развивать свои способности. Ученицы Букавчук Мария, Ясинская Ирина, Петрейчук Василиса на занятиях по вышивке.

↑

Должную оценку встретит на Выставке и искусство гончаров из Кут. Их изделия отличаются изяществом и необычайной красочностью орнамента.

→

Стало доступным любое поприще: Мария Билан мечтает стать учительницей, и можно не сомневаться в том, что пройдет несколько лет — и мы застанем ее на школьной кафедре, за любимым делом.

Так расцветает новая жизнь в Прикарпатье. Новые песни складываются здесь о больших делах, которые творятся кующим свое счастье вольным советским народом Гуцульщины. Мы записали песню, которую сложила школьница Евдокия Яремий:

«Як була Польша, паны панували,
Из нас, бидных украинцев, паны шкиру драли.
Як була Польша, паны панували,
Як почалась война, паны повтикали.
Як воны втикали, пидковы губили,
Та в Румынию попали, следы затеряли».

Михась Лыньков

Тонкая ситуация

РАССКАЗ

Рисунки худ. Мих. Милославского

В повозке пререкались:

— Как вам не стыдно, пан Рудек?

— Не пан Рудек, прошу пана, а пан Рудкевич-Крулевский!

— Все равно: пан Рудкевич, пан Рудек...

— Попрошу пана Цыбульского не забываться, я есть, во-первых, шляхтич... Прошу пана помнить, во-вторых, про нашу служебную конспирацию...

— Хорошо пану говорить про конспирацию, когда пан забрал колбасу. Мою колбасу... Она принадлежит мне, как принадлежит мне и эта повозка, на которой пан имеет честь ехать... При чем же тут конспирация, пан Рудек?

— О свенты пан бог! Не пан Рудек, прошу пана, а пан Рудкевич-Крулевский...

Неизвестно, куда бы завели почтенных панов горячие споры о панстве да о каких-то колбасах, если бы лошадь внезапно не остановилась, сильно встряхнув повозку. Паны зарылись в сено, как мыши, и затаили дыхание, боясь пошевельнуться, чтобы не наделать шуму.

Между тем лошадь стояла спокойно, ничего страшного вокруг не замечалось. Ни звука не слышно было ни в лесу, ни в небе, ни на этой заброшенной, глухой дороге. Первым опомнился пан Рудек. Он осторожно нашарил вожжи и сразу догадался, в чем дело. Вожжи были туго натянуты, они запутались в колесах, остановили лошадь, повозку. И храбрый пан Рудек начал трясти за плечо пана Цыбульского:

— Вставайте, пане, все прошло... Вы знаете, когда я в прошлом году ехал по этой дороге и меня встретили ночью бандиты... Я за пистолет и, что вы думаете, сразу: бах-бах-бах!.. Они все кто куда...

— Верно, после этого положили пана в больницу. Да, они слегка попортили вам лицо тогда, пан Рудек. Прошу прощения, Крулевский-Рудек...

— Что вы мелете, пан Цыбульский?

— Ну, да... Они и в суд подавали, эти самые подберезские шляхтичи, которых пану угодно было принять за бандитов...

— Ай, пан Цыбульский, пан Цыбульский... — в замешательстве проговорил пан Рудек. — Ведь мы с вами шляхетные люди — и говорить друг другу такие неприятные вещи...

— Что с того, пане? Ведь это ж святая правда!

— Правда, правда... Никакой мысли у вас, пан Цыбульский, никакого, можно сказать, благородного размаха в мыслях, такой, знаете, красивой фантазии, такой, знаете, тонкой ситуации...

— Что ж вы меня попрекаете моими мыслями?.. Конечно, у вас, пан Рудек, порою появляются смелые мысли, но за эти мысли вас били не однажды... Вспомните хотя бы жену пана старосты...

Какая наглость, однако! Как можно снести такое неуважение?! Пан Рудек чувствует, как краска заливает по самые уши его лицо. Пан Рудек даже кричит:

— Вы забываете, пан Цыбульский, с кем имеете дело! Я... я... — и, устрашенный собственным своим голосом, который так некстати разносится в этом темном и глухом лесу, пан Рудек вдруг переходит на шопот:

— А не подкрепиться ли нам слегка, пан Цыбульский? Дорога дальняя...

Подбросив лошади сена, паны усаживаются в повозке и мирно распаковывают свои корзинки, пакетики, сверточки.

Они с апетитом ужинают, не забывая пропускать по доброй чарке водки.

— Так я прошу вас, пане, править лошадью... — говорит пан Цыбульский. — Да не гоните сильно... По этим кореньям вытрясешь не только ужин, но и всю божью душу из тела... Может, к ночи доберемся в город, ведь тут близко...

Сказал и захрапел сразу. Любит поспать пан Цыбульский.

Пан Рудек правит лошадью, слегка подхлестывает вожжами, почмокивает. Тихо поскрипывают колеса на мягкой лесной дороге, мирно шелестят деревья, мелкий дождик накрапывает откуда-то сверху... Пан Рудек натягивает на себя башлык дорожного балахона, поудобнее устраивается в передке повозки, подобрав под себя добрую охапку сена. Медленная езда, тихий шорох колес по мокрому песку, мирный шум леса — все это настраивает пана Рудека на мысли о себе, о своей жизни. Конечно, ему не везет, страшно не везет. Вот ему приходится иметь дело с такими грубыми, с такими неделикатными людьми, как пан Цыбульский. Какие у него заботы, у пана Цыбульского? Он заходит в крестьянскую хату, садится за стол, вытаскивает свои бумаги, списки, реестры и прямо говорит хозяевам:

...в каких-нибудь полутора — двух шагах стоял человек, голова которого была оценена в тысячу злотых...

— Вот вы, пан Саливон или пан Мыкола, должны державе столько-то и столько-то... Да за просрочку, да за убытки государства, да за мои дорожные расходы... — сколько этих одних наберется! Пан Цыбульский прямо говорит:

— Я секвеструю у вас, пан Саливон или пан Мыкола, вашу рябую корову, она-таки в теле, ваша корова...

Конечно, там плачут. Конечно, там просят. Ругаются. Угрожают. Но что до того пану Цыбульскому? На его стороне закон, а кто пойдет против закона?

Говоря по правде, закон стоит и за его спиной, спиной пана Рудека. Но тут несколько иная ситуация, как говорит сам пан Рудек, тонкая ситуация. И закон, и вместе с тем надо быть осторожнее с этим законом. Не скажешь, войдя в хату, что вот я, такой и такой, имею важные полномочия, так выкладывайте мне все начистоту... Нет, не скажешь... Лазишь, лазишь день-деньской по этим селам, и все одна мелочь: там случайно на зажигалку нападешь, там десять грядок табаку-самосаду, там наткнешься на пестрого бычка незаконного[1]... Разве это размах? Хоть бы одного комсомольца какого подцепить за эти годы! Как повымирали они, или уж так трудно до них доступиться?

А обид сколько! Войдешь в иную хату потолковать о хорошей погоде или добром урожае, попросить табаку на закурку, а тебе уже с самого порога кричат:

— Напрасно беспокоитесь, пан Рудек! Ни газет, ни книжек, ни самосаду... Про комсомольцев и коммунистов и говорить нечего...

Скажут да еще усмехаются.

Ведь не станешь с ними спорить, унижая свое имя, славное имя Рудкевичей-Крулевских! Ведь не станешь спрашивать, откуда им известна его служебная кличка. Только на неприятности нарвешься.

А досадный случай с уважаемой супругой пана старосты! Надо ж было ему, Рудеку, встретить на свою беду незнакомого человека в городе. И вид у человека был такой — ну, просто, бери его и веди: старенькое пальто, длинные волосы, глаза беспокойные, лихорадочные, вертлявые руки. Можно сказать, прямо клад шел в руки пана Рудека. Ночи три не спал он, следя за незнакомцем. Даже поселился в городской гостинице, где остановился тот. И, занимая соседний номер, важно подмигивал хозяину гостиницы: ожидай, мол, значительных событий... И вот однажды вечером, когда из-за стены доносились оскорбительные слова про почтенного пана старосту, не вытерпел пан Рудек, взял маузер и так забарабанил по ветхой двери соседней комнаты, что дверь сразу же подалась и перед храбрым паном Рудеком выросла могучая фигура пани старостихи... Еще через секунду взлетел ее могучий кулак, и пану Рудеку пришлось одно: оставив на поле битвы три зуба, без памяти кинуться наутек, спасаясь даже не через дверь, а через низенькое оконце нанятой им комнаты.

Вот какая вышла тогда тонкая ситуация...

Еще хорошо, что этот случай не дошел до ушей пана старосты. Нового органиста, который приехал из другого города, пан Рудек обходил с той поры за три квартала. А хохот сослуживцев, а сплетни, а всякие обиды! Соберутся, выпьют чарку, другую и начнут расспрашивать, как гонялся он, пан Рудек, за «коммунистом» и какие претерпел при этом великие страдания.

Правда, не везет ему в жизни! Вот старый его знакомец, пан Жмудский, у того и процессы были, какую-то организацию раскрыл. Из-за него, пана Жмудского, сколько народу в тюрьмах сидит... Везет же иному... И слава ему, и почет, и уважение от начальства. Понятно, и деньги...

А ему, пану Рудеку, зажигалки...

А ему, пану Рудеку, пестрые бычки...

Пан Рудек до того погрузился в печальные размышления, что и не заметил, как кончился лес, как проехали поле и низенькие домики предместья надвинулись с двух

[1] За неклейменные зажигалки, за посадку хотя бы нескольких грядок табаку, за содержание пестрых бычков (можно было откармливать бычков только одной масти) — за все это бывшее польское правительство сурово преследовало крестьян и взыскивало за эти «великие провинности» крупные штрафы. — М. Л.

сторон. Только когда повозка нестерпимо затарахтела по камням главной улицы, пан Рудек очнулся и увидел, что приехали в город. Вот и почта, вот и пожарная команда, вот кино «Гриф». Скоро, через какие-нибудь два квартала, будет и старостство вместе с уездной полицией, куда, хоть и поздно уже, надо явиться пану Рудеку доложить дежурному о своих служебных делах.

И вдруг случилось такое, чего пан Рудек в жизни не ожидал никогда. Он даже ущипнул свой шляхетный нос, чтобы еще раз убедиться, не сон ли это. Нет, не сон. Пана Рудека кинуло даже в холодный пот.

— Какая дерзость!

Он не раз уже слышал об отчаянной храбрости этого человека. Но, чтобы стоять так под самым фонарем на этом людном месте, где каждую минуту можно встретить прохожего, стоять так спокойно и еще читать какую-то афишу, — это уж слишком... Это уже не поддавалось никакому пониманию пана Рудека.

Прямо перед ним, в каких-нибудь полутора—двух шагах, стоял человек, голова которого была оценена в тысячу злотых, который наводил страх на самого пана воеводу. Человек, о котором даже писали неоднократно в газетах как о необычайно опасной для государства личности... Ведь он причинил столько неприятностей не только пану старосте и уездной полиции. Говоря о нем, морщились даже вельможные особы в самой Варшаве... Забастовки, пожары в усадьбах, крестьянские бунты — всюду слышно было его имя.

Пан Рудек как в лихорадке. О свенты пан бог, как бы не упустить золотой клад свой! Крепко встряхнув пана Цыбульского, чтобы проснулся, наконец, этот мешок с цыбулей — все-таки лишний человек на подмогу, — пан Рудек тигром метнулся с повозки и, выхватив свой пистолетик, завопил отчаянно:

— Руки вверх!

Крик был такой пронзительный — едва не сорвал голоса пан Рудек, — что сивый мерин шарахнулся было и пробежал вскачь шага четыре, совсем разбудив пана Цыбульского; пан, окончательно раскрыв глаза и увидев, что дело принимает серьезный оборот, счел за лучшее соскочить с повозки, чтобы в случае, избави, бог, чего-нибудь этакого, какого-нибудь неожиданного усложнения событий, поскорее дать тягу в первый темный переулок.

А человек между тем стоял. Правда, он вздрогнул было от неистового окрика пана Рудека. Потом он повернулся лицом к нему и спокойно этак через плечо спросил:

— Что вам нужно, человече?

А пан Рудек кричал:

— Без разговоров! Иначе буду стрелять... Теперь я отведу тебя, наконец, в полицию... Наконец ты попал в мои руки, в руки Рудкевича-Крулевского!

Видно было, как поднимается рука у того человека, как сжимаются пальцы в кулак. Пан Цыбульский побелел даже, увидев это. Но кулак обмяк, рука опустилась, и человек вдруг засмеялся. Смех был такой громкий, такой переливчатый, что у пана Цыбульского помутилось в мозгу. А человек между тем говорил уже совсем спокойно и даже мирно:

— Я и не узнал вас, уважаемый пан Рудек! Ну что ж, берите меня, ведите в полицию. Она ведь недалеко отсюда, в старостстве.

Человек с готовностью подставил правую руку, и в одно мгновенье пан Рудек надел на нее стальные наручники, а для большей верности надел второй конец наручников на свою левую: теперь не убежит. Пускай бежит, пускай кидается, куда хочет, пан Рудек не отступит от него ни на шаг, хоть бы тот бежал прямо в преисподнюю.

Важно погрозив еще раз пистолетом, пан Рудек, не чувствуя под собой ног от волнения, крикнул:

— Ну, пошли... И чтоб никаких мне хитростей, знаю я вашего брата!..

Для большей предосторожности пан Рудек скомандовал и пану Цыбульскому:

— А вы, пане, идите с левой стороны... Да не бойтесь, чорт бы вас побрал, теперь он не убежит...

Пан Рудек держался теперь гордо и не очень считался с паном Цыбульским. Что ему теперь этот мешок с цыбулей, если он, пан Рудек, ведет страшного человека, государственного преступника, за голову которого давали тысячу злотых! Будет она теперь его, эта тысяча. Да что тысяча! Сам пан министр, может, пожмет его храбрую руку... Да что пан министр! Самый богатый граф в Польше, может быть, отдаст за него, пана Рудкевича-Крулевского, свою дочку... Своя земля... Усадьбы свои... Лошади свои... Теперь пан Рудек покажет всем, что значит пан Рудек... О свенты пан бог, что только будет!

Всего квартал был до старостства, но из-за этих мыслей, молниями проносившихся в голове, пан Рудек не обращал внимания ни на что, не видел людей, которые встречались по пути, встречались, несмотря на позднее время, и в коридорах старостства. Он следил только за этим человеком, чтобы, избави бог, не сбежал он, не выкинул чего-нибудь неожиданного. Ведь это народ ловкий!

Рядом рысцой трусил пан Цыбульский. Он одолел, наконец, свой страх и с великим нетерпением ожидал теперь окончания дела. Все-таки и он, пан Цыбульский, принимал славное участие в таком исключительном событии.

Они были уже в старостстве. Одна комната, вторая, потом маленький коридор, и вот отворяются, наконец, заветные двери кабинета пана начальника уездной полиции.

— Вот и приехали! — не перешагнув еще порога, весело кричит пан Рудек.

С кем ему считаться теперь, пану Рудеку? Он может отступить теперь от обычного рапорта, он может и закричать.

— Вот я привел! — громко кричит он еще раз и внезапно замолкает, скорчившись и бледнея.

У пана Цыбульского словно подогнулись колени, он даже пошатнулся, потом выпрямился и опустился без сил на первый пустой стул.

Страшный хохот стоял в этом, таком знакомом до мельчайших подробностей кабинете. Такого хохота, такого веселья никогда в жизни своей не слыхали ни пан Рудек, ни пан Цыбульский. Люди — а их тут было много — прямо за животы хватались от смеха. Кажется, сотрясались стены, трясся весь пол, трясались колени у пана Рудека, тряслись руки его, и старый пистолетик его беспомощно брякнулся об пол. Что поделает пистолет против такого смеха? Конечно, не один смех тут. У людей и винтовки и никогда не виденные паном Рудеком повязки на рукавах. Он успел, правда, несколько присмотреться к людям. Кое-кого узнал даже. Тут были рабочие с некоторых заводов. Но что они делают тут? Может, мобилизовали их? Отчего же они ведут себя не по-людски в этом почтенном кабинете? Вот накурили как, не продохнуть...

Дрожащим голосом спросил пан Рудек:

— Где я могу видеть пана начальника уездной полиции?

— Вот и приехали! — дружно засмеялись еще раз находившиеся в кабинете.

Один из рабочих подошел к пану Рудеку, разомкнул наручники и заговорил, подмигивая другим:

— Что ж вы смеетесь, вправду? Надо уважаемого пана Рудека отвести к пану начальнику полиции...

Их отвели обоих — и пана Рудека и пана Цыбульского — в небольшую камеру. Там сидели уже и пан начальник полиции, и пан староста, и несколько жандармов. В этой камере держали когда-то арестованных.

Слабым голосом пан Рудек спросил, ни к кому не обращаясь:

— Что значит, панове, весь этот сон?

И сам пан начальник полиции счел нужным ответить ему, пану Рудеку:

— Хорошо, если бы сон... А это ж красные... Второй уж день...

Пан Цыбульский как сел на нары, так и начал причитать. Все поминал о каких-то смелых мыслях, за которые не раз били пана Рудека. Но при чем тут он, пан Цыбульский, которому, должно быть, также придется пострадать за эти смелые мысли?..

Пан Рудек ничего не слушал. Он сидел опустошенный, растерянный и все твердил сам себе про какую-то там тонкую ситуацию:

— То-о-нкая ситуация...

Сокращенный перевод с белорусского
БОРИСА ТУРГАНОВА

Максим Танк

Стихотворения

Максим Танк — талантливый белорусский поэт. 17 сентября 1939 года он вместе с тысячами рабочих и крестьян радостно приветствовал вступление Красной Армии в Западную Белоруссию.

За революционную подпольную работу Максим Танк полтора года сидел в польской тюрьме.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

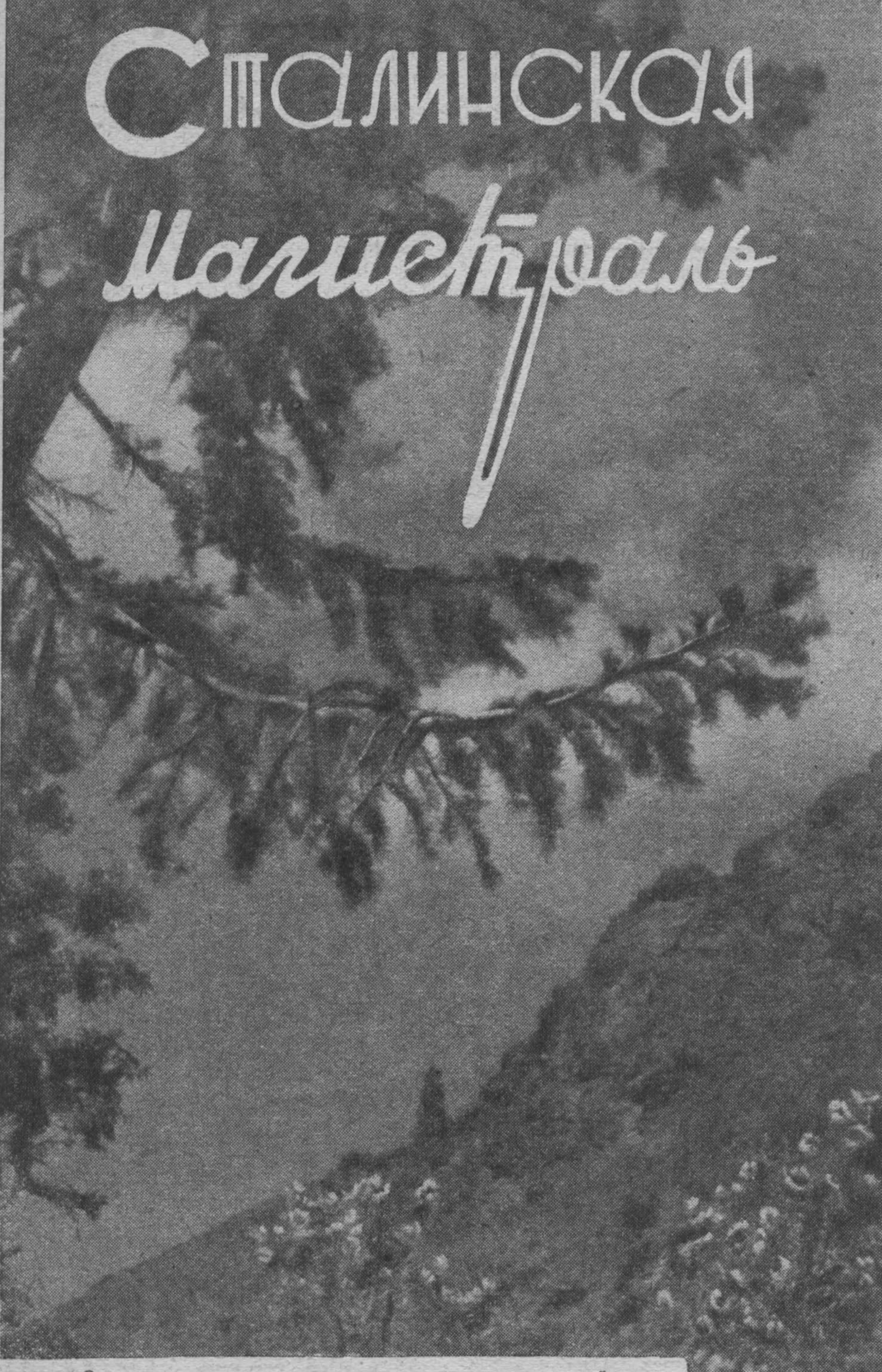
К тебе мы, родная деревня, придем
Не с торбою песен, что плачут.
На струнах зари из березы смычком
С тобой заиграем иначе.
Мы сядем на новый, высокий порог—
Веселые дружные люди,
Что снова вернулись с этапных дорог
(Хоть многих средь нас и не будет).
Ты свесишь чуприну соломенных
стрех
Под песни и шум разговоров.
И выплывут звезды на синий ночлег,
В ночных отражаясь озерах.
Закинут на темное Нарочи дно
Свой невод, лучами сплетенный.
И месяц наточит сошник свой
стальной,
Чтоб неба распахивать гоны.
В широкое поле, на тысячи верст
Ночь дымом опустится черным.
А влажные листья осин и берез
Застынут платочком узорным.
Но ветер проснется, и звезд угольки
Посыплются в тихом просторе.
И ткать будет ветер у темной реки
Из шолка багряного зори.
К тебе мы, родная деревня, придем
Не с торбою песен, что плачут.
На струнах зари из березы смычком
С тобой заиграем иначе.

* * *

Я в каждом пожаре,
Я пламени брат.
Я в каждом ударе
Железных лопат.
Я в звоне трансмиссий
И в гуле турбин.
Я в песнях и свисте
Огромных машин.
Я стоны и слезы
И вдов и сирот...
Я в шуме березы...
Я сам весноход...
Я в черных загонах,
В краюхах ржаных,
В простых перезвонах
Меж нив золотых.
В груди что-то тесно
От тягостных дум.
Развеет их песня —
Горячий самум.
Она, словно буря,
До синих границ
Помчится лазурью —
Дорогою птиц.
Она негодует
Морскою волной.
Как гневно бунтует
Невучий прибой!

1935 г.

Перевел с белорусского
Ник. ТИТОВ

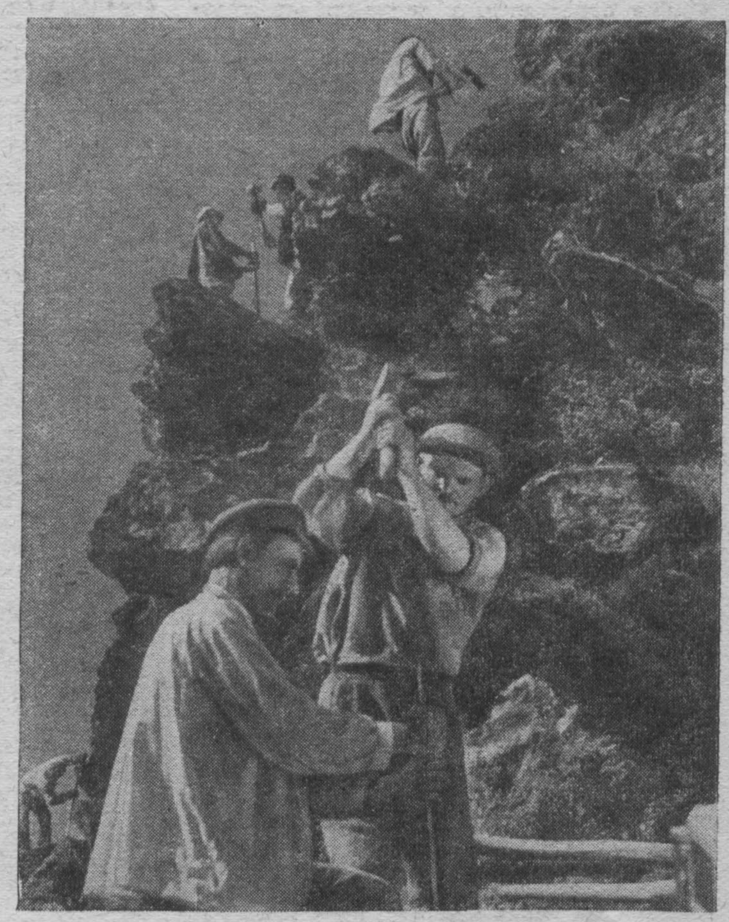
Суровые непроходимые горы встретили строителей...

Фото А. Узлян

Через леса, горные хребты, скалы, пески Восточноказахстанской и Семипалатинской областей Казахской ССР проложена первая очередь «Восточного кольца» — крупнейшей в Союзе безрельсовой магистрали. Ей по праву оказана высокая честь — присвоено имя вождя народов товарища И. В. Сталина. Новая дорога протяженностью 438 километров построена в кратчайший срок.

После весеннего сева тысячи колхозников двинулись на строительство дороги. Высокая производительность труда и огромный подъем обеспечили успех строительства. Дорога закончена досрочно. Эта новая магистраль открывает широчайшие перспективы экономического развития прилегающих к ней районов. Она связывает отдаленные пункты Восточного Казахстана с жизнью всего Союза, она открывает доступ к богатствам Алтая по артериям Турксиба и полноводного Иртыша.

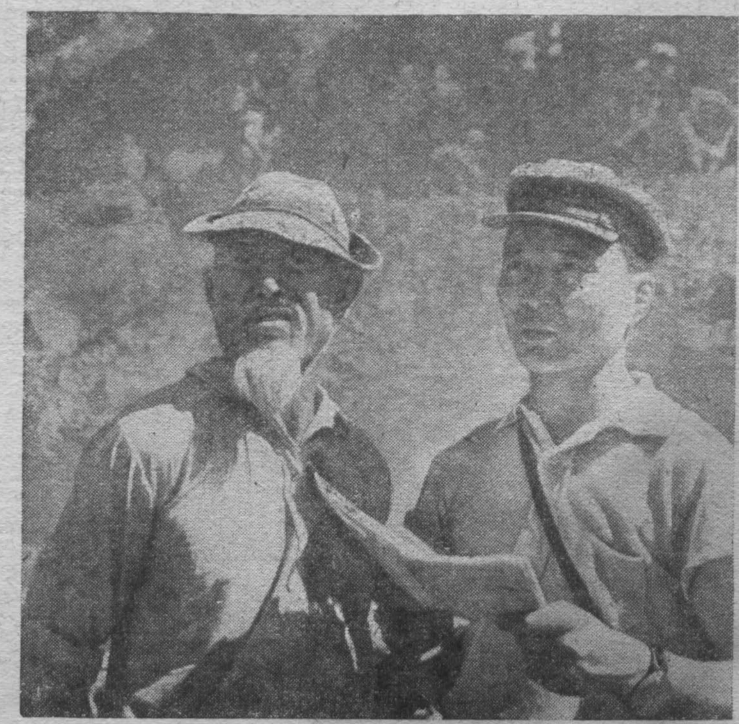
Наиболее трудным участком строительства, где героически работали колхозники, считалось ущелье Пихтовка в горах Алтая. Ниже мы помещаем ряд снимков о работах на этом участке.

Колхозники из колхоза «Красное знамя» Анфилофиев П. Ф. (справа) и Ануфриев А. Ф. за разборкой скал. Стахановцы строительства дороги, они выполняют нормы на 350—400 процентов.

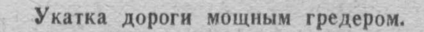
← В ущелье Пихтовка. Общий вид работ.

→ Бригадир колхоза «Джамбул» Алтынбаев Адилхан (слева) и технорук участка «Пихтовка» Хамид Жандосов.

Там, где бессильной оказывалась кирка, на помощь приходил аммонал.

Укатка дороги мощным гредером.

Вкусно и сытно питались строители дороги «Восточное кольцо». Лучшая повариха на участке «Пихтовка» колхозница Даита Мужукова раздает обед.

↑
Неприступные горы, частым гостем которых был только олень, где редко ступала нога человека, наполнились шумом мотора. Новая гравиевая дорога гостеприимно приняла «М-1».

→
С радостью собрались на митинг строители, узнав о присвоении дороге имени товарища И. В. Сталина.

Капитан Б. Кац

ПОЛКОВОДЕЦ КУТУЗОВ

Гениальный русский полководец Суворов поднял военное искусство России на исключительную высоту. Он воспитал блестящую плеяду талантливых генералов, среди которых выдающееся место занимает Михаил Илларионович Кутузов.

Воспитанный на славных традициях: «Глазомер, быстрота и натиск», — Кутузов много нового внес в полководческое искусство. Спокойный, расчетливый и осторожный полководец, Кутузов не любил рисковать, хотя был очень смелым человеком. Его осторожность не являлась следствием нерешительности или боязни противника, наоборот, в основе действий Кутузова всегда лежал расчет, основанный на правильном понимании обстановки.

Со всей энергией и настойчивостью стремился он к достижению намеченной цели, применяя хитрость, когда сила уже не сулила успеха. Но успех не кружил ему голову, а неудача не вызывала упадка духа.

★

Кутузов родился 16 сентября 1745 года, сто девяносто пять лет назад. Военное образование получил в артиллерийско-инженерном корпусе, где на его выдающиеся способности обратил внимание известный знаток артиллерии генерал Шувалов.

Первый боевой опыт Кутузов получил в войне с польскими конфедератами в 1764 году. В 1770 году принимал участие в войне с турками и отличился в боях при Ларге и Кагуле.

С 1774 года Кутузов в Крымской армии. Смелый, инициативный, он прекрасно разбирался в обстановке боя и увлекал своим героизмом солдат. На него обратил внимание Суворов, и здесь-то, в Крымской армии, началось сближение двух полководцев. Кутузов на практике познавал новые, суворовские принципы ведения боя — разгром живой силы врага.

В бою под Алуштой, когда русские солдаты остановились перед убийственным огнем турок, впереди строя со знаменем в руках появился командир. Призывая солдат, он первым бросился вперед. Это был Кутузов. Солдаты, увлекаемые своим командиром, ворвались в укрепление и опрокинули врага мощным штыковым ударом.

Во время преследования противника Кутузов был тяжело ранен в голову, пуля попала ему в висок и вышла у правого глаза, которого он лишился навсегда.

В 1786 году Кутузов уже в чине генерал-майора командует Бугским егерским корпусом.

Наступает 1790 год. Русские войска осаждают Измаил — одну из сильнейших крепостей в Европе. Ее строили для Турции лучшие английские и французские инженеры. Все штурмы русских войск были отбиты.

Суворову было поручено овладеть этой турецкой твердыней. Враги и завистники великого полководца втайне надеялись, что он крепости не возьмет, ответственность за неудачу можно будет взвалить на него и слава его померкнет. Но с Суворовым были взращенные и воспитанные им генералы, верившие в его гений, с ним был храбрый русский солдат.

Суворов поручил Кутузову взять сильнейший бастион у Килийских ворот, и здесь-то впервые во всем блеске развернулись качества Кутузова как полководца.

Под сильнейшим ружейным и картечным огнем 6-я колонна Кутузова атакует бастион. Свинцовый град обрушивается на русских солдат, сраженные падают целыми шеренгами, но на место павших становятся новые бойцы и бесстрашно, со штыками наперевес двигаются к укреплениям. Колонна подошла ко рву. Многие из командиров были перебиты. Казалось, подняться на вал не было никакой возможности. Тогда Кутузов сообщил об этом Суворову. От последнего был получен ответ: Кутузов назначается комендантом Измаила.

Под сильным огнем Кутузов строит своих бойцов и во главе колонны первым бросается вперед. Солдаты вскочили на вал, ворвались в город. Жестокий рукопашный бой завязался в кривых и узких улицах, каждый дом приходилось брать штурмом.

Измаил пал.

В донесении о взятии Измаила Суворов писал: «Генерал Голенищев-Кутузов оказал новые опыты военного искусства и личной своей храбрости, он шел у меня на левом крыле, но был моей правой рукой».

★

1805 год. Покоренная Европа стонала под пятой Наполеона. Англия, против которой было направлено острие наполеоновских войн, втянула в борьбу на своей стороне Россию и Австрию. Русским солдатам, брошенным Александром I на поля сражений Западной Европы, пришлось бороться за чуждые и неведомые интересы. Совершая геройские подвиги, принося величайшие жертвы, они не подозревали, что воюют за интересы Англии.

Суворова уже не было в живых. Русскую армию возглавлял Кутузов.

После капитуляции австрийцев под Ульмом и панического отступления их армии к Вене Кутузов в исключительно тяжелых условиях вывел русскую армию из окружения и повел ее на восток, заманивая Наполеона, растягивая его силы и терпеливо ожидая подходящего момента для нанесения решительного удара.

Отход русской армии прикрывал восьмитысячный отряд под командованием бесстрашного Багратиона, любимца Суворова. Тридцатипятитысячная французская конница Мюрата разбилась о героическое сопротивление солдат Багратиона.

Но Александр I помешал Кутузову в выполнении его плана, приказав прекратить отход и дать немедленно сражение Наполеону.

Как ни доказывал Кутузов Александру, что сражение давать преждевременно, царь настаивал на своем. Сражение было дано и проиграно. Всю вину за эту неудачу Александр затем взвалил на великого русского полководца.

★

1811 год. Надвигалась новая война с Наполеоном. России нужно было спешно кончить войну с Турцией, причем закончить ее победоносно.

Кутузов снова был назначен главнокомандующим русской армией. Обстановка, в которой он вступил в командование, была тяжелой: 5 дивизий было переброшено на Запад, и у Кутузова осталось 46 тысяч войск против 70 тысяч турок. Почти на 1000 километров приходилось или наступать или защищать линию Дуная. Кутузов решает стянуть возможно больше сил к центру, Рущуку, и, придерживаясь обороны, вызвать турецкую армию на наступление и разбить ее в полевом бою.

В гениальном плане рущукской операции Кутузов сочетал осторожность с решительностью и смелостью, выжидание с готовностью обрушиться на врага с целью полного его уничтожения.

Кутузов концентрирует свои силы к центру: Бухаресту и Рущуку, сокращая этим линию обороны. Разрушает укрепления Силистрии и Никополя, чтобы лишить турецкую армию опорных пунктов, затем с пятнадцатитысячным отрядом переправляется через Дунай и располагается на позиции, по его выражению, «не совсем выгодной, но единственной».

3 июля турецкая армия (60 тысяч бойцов при 78 орудиях) атакует отряд Кутузова, но терпит поражение и в панике отступает. Через несколько дней Кутузов неожиданно для всех оставляет Рущук и уходит на левый берег Дуная, предварительно разрушив укрепления и выведя жителей. После победы 3 июля этот маневр Кутузова был неожиданным, но русский полководец добивался своей цели: «скромным поведением» ввести противника в заблуждение, показать себя слабым и тем самым вызвать турецкого командующего на «необдуманный шаг».

Кутузов добился своей цели: турецкая армия переправилась на левый берег Дуная. Тогда Кутузов переправил часть своих сил на противоположный берег, окружил турецкую армию и лишил ее возможности получать продовольствие и фураж. В сентябре в турецкой армии начался голод. Кутузов обрушивает на нее последний удар и вынуждает к капитуляции. Разгром турок позволил усилить армию, оборонявшую западную границу России.

★

Наступил 1812 год. Русские армии отходили в глубь страны, отступая перед «великой армией» Наполеона, вторгнувшегося в Россию. Все взоры были обращены на Кутузова. Русский народ считал его единственным полководцем, способным на успешное завершение борьбы с Наполеоном, и Кутузов был назначен главнокомандующим. Михаилу Илларионовичу было уже 67 лет, и жить ему оставалось всего 9 месяцев. Но за этот короткий срок он навсегда связал свое имя с судьбой русского народа и остался в памяти грядущих поколений.

1812 год — венец полководческой славы и военного искусства Кутузова, опиравшегося в борьбе за национальную независимость России на несокрушимые силы русского народа.

Командование армией Кутузов принял 29 августа в Царевом займище. Он повел ее на четыре перехода по направлению к Москве, где в районе Можайска, у села Бородина, решил дать Наполеону сражение для спасения Москвы.

Штурм турецкой крепости Измаил 11 декабря 1790 года.

Старинная гравюра.

Бородино — решающий и переломный момент войны 1812 года. «...Наполеон уже не мог выдерживать медленных походов. Ему необходимы были быстрые успехи, блистательные победы, завоеванные с бою мирные трактаты...» [1].

И Кутузов решился на величайшее сражение, которое, безусловно, разыгралось в соответствии с его замыслами. Оценку всех распоряжений Кутузова и принятого им решения всегда нужно делать не с точки зрения его современников (пытающихся показать только его ошибки), а с точки зрения самого Кутузова, который ни с кем не делился своими планами, и потому многие из них не были вполне понятны его подчиненным.

Кутузов утвердил выбранную офицером его штаба полковником Толем позицию у Бородина: она полностью отвечала его замыслу. Донесение Кутузова с Бородинских высот от 4 сентября 1812 года (по новому стилю) дает возможность правильно понять и уяснить гениальность его решения:

«Позиция, в которой я остановился при селе Бородине, в двенадцати верстах впереди Можайска, одна из наилучших, какую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить посредством искусства.

Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, в таком случае имею я большую надежду к победе; но ежели он, найдя мою позицию крепкою, маневрировать будет по дорогам, ведущим к Москве, тогда должен буду идти и стать позади Можайска, где сии дороги сходятся...»

Кутузов, зная искусство Наполеона маневрировать на поле сражения, выбрал позицию, стесняющую свободу маневра, он заставил его действовать фронтально, лобовым ударом. Генерал Ермолов, участник Бородинского сражения, очень метко заметил, что «в Бородинском сражении французская армия расшиблась о русскую».

Главное направление движения армии Наполеона — вдоль новой Смоленской дороги — запиралось на флангах бородинской позиции: справа — рекой Колочей, слева — Утицким лесом, — если и не исключавших маневр на флангах русской армии, то сильно затруднявших его. Недаром Наполеон отклонил предложение маршала Даву обойти левое крыло русских со стороны Утицкого леса. Он считал лес труднопроходимым и прекрасно понимал, что если даже этот маневр удастся, то Кутузов, увидя себя обойденным, уведет русскую армию и не примет сражения.

Фельдмаршал Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов.

Гравюра с картины худ. Доу

7 сентября 1812 года произошло знаменитое Бородинское сражение. Бурные потоки штурмующих французских корпусов разбились о храбрость и стойкость русских солдат. На Бородинской равнине великий русский полководец Кутузов нанес Наполеону первый смертельный удар, от которого он уже не оправился.

Для многих было непонятно, почему русская армия, удержавшая за собой поле сражения, была на другой день уведена Кутузовым.

В сражении под Бородином русская армия понесла значительные потери, громадная часть командного состава выбыла из строя, многие полки лишились своих офицеров. Багратион, командующий 2-й армией, был тяжело ранен. И если бы Кутузов на другой день дал новое сражение, в котором русская армия, безусловно, столь же доблестно сражалась, то, нанеся противнику новый удар и вынудив его к отступлению, она была бы обескровлена новыми потерями и лишена возможности продолжать борьбу. Кутузов к тому же прекрасно понимал, что одним победоносным сражением не решается участь войны. Нужно было сохранить армию для решающих боев. Отводя ее, он сохранил основные кадры, вокруг которых в дальнейшем накапливались силы русской армии.

В небольшой избушке в деревне Фили, у Поклонной горы, 13 сентября 1812 года решалась судьба не только Москвы и России, но и самого Наполеона. Решение Кутузова было таково: «С потерей Москвы не потеряна Россия. Первой обязанностью поставляю сохранить армию и сблизиться с войсками, идущими к нам на подкрепление. Самым уступлением Москвы приготовим мы гибель неприятелю. Из Москвы намерен идти по Рязанской дороге. Знаю, ответственность обрушится на меня, но жертвую собой для блага отечества. Приказываю отступать».

До этого Наполеон триумфально вступал во все столицы Европы. Вена, Берлин, Мадрид и другие столицы преклонились перед волей победителя. Но ни одна столица не таила в себе гибели для Наполеона. Таила ее древняя русская столица Москва, расстилавшаяся у ног завоевателя, смотревшего на великий город с Поклонной горы. Кутузов готовил эту гибель.

Пожар Москвы — это величайшая жертва русского народа, сознательно принесенная Кутузовым во имя борьбы до победного конца. Пылавший Смоленск был зарницею грандиозного пожара.

У Кутузова уже созрел план флангового марш-маневра. Главные силы русской армии отступают по Рязанской дороге, прикрываясь арьергардом. Французская конница во главе с генералом Себастьяни преследует русских. Перейдя Москву-реку у Боровского переезда, главные силы русской армии круто поворачивают вправо и идут вдоль реки Пахры, к Калужской дороге, а арьергард продолжает отходить в старом направлении, на Рязань, за ним следуют французы. И вдруг казаки рассеиваются. Перед генералом Себастьяни ни одного русского солдата, русская армия исчезла, и целых четыре дня не знал французский штаб, куда увел Кутузов свою армию. Только когда русские части появились в тылу Наполеона на Смоленской дороге, понял император, как провела его «старая лисица севера».

Русская армия стояла в Тарутине, занимая фланговое положение. Держа под ударом сообщение французской армии, она прикрывала путь в южные губернии. Только за один этот марш-маневр Кутузов принадлежит к плеяде блестящих полководцев.

После поражения под Мало-Ярославцем для Наполеона оставался один путь отхода — разоренная Смоленская дорога. Путь к этой дороге лежал через огромную равнину, на которой 52 дня назад яростно сражались солдаты французской армии, пробиваясь к Москве, из которой теперь поспешно бежали. Страшное зрелище представляла долина побоища. Горы неубранных трупов в самых нелепых позах: многие лежали распростертыми ниц, другие — скорчившись.

Расчет великого русского полководца оказался верным. Остатки наполеоновской армии, преследуемые русскими войсками и партизанами, бежали.

Русские войска победно прошли Польшу и заняли Варшаву, прошли Пруссию, вошли во Францию и заняли Париж. Но великого русского полководца Кутузова с ними не было. Он умер во время похода в Силезии, в небольшом городке Бунцлау, в апреле 1813 года.

Память о Кутузове сохранил наш великий народ. Богатейший опыт непревзойденного военного мастерства Кутузова является ценным вкладом в историю военного искусства. Кутузов показал, как в труднейших условиях мог побеждать русский народ.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс «Внешняя политика русского царизма». Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 20.

На Оке под Москвою

Текст Б. Светланова
Фото Г. Санько

Городок Таруса, что лежит при впадении речки Таруски в реку Оку, имеет странную судьбу. Он, утверждают историки, был не замечен Наполеоном, затем... Наркомздравом, но зато отмечен тысячами москвичей. Любители и ценители русской природы, воспетой Тургеневым, Левитаном, Тютчевым, каждое лето посещают Тарусу...

Колесный пароходик типа «Севрюги» из фильма «Волга-Волга» хлопотливо бьет плицами по прозрачным водам Оки. Река извилиста и капризна. Русло ее там и сям перегорожено мелями, и капитан ведет судно, испытывая все ощущения командира подводной лодки, пробирающейся к цели сквозь минированные поля. Но пассажиры спокойны. Они любуются зелеными берегами, лесами и перелесками, холмами и полянами — чудесным подмосковным ландшафтом...

← Вот мы на главном проспекте Тарусы. Чистенькая, вымытая дождями улица то карабкается вверх, то спускается вниз и, наконец, исчезает в лесу, вплотную подступившему к городу. Увы, Таруса не славится своей архитектурой. Умно поступает мать-природа, прикрывая городок зеленым занавесом рощ и садов от взыскательных взоров столичных туристов...

→ Не славна Таруса и своим благоустройством. Удивительно вкусна и чиста вода тарусских источников, но добыть ее нелегко. Для этого надо найти странное цилиндрическое сооружение, которое тарусцы, пренебрегая всеми правилами русского языка, называют почему-то «бассейня». Таких «бассейней» в городе с четырьмя тысячами жителей всего две...

← Не дымят в Тарусе заводские трубы. Нет здесь крупных промышленных предприятий. Но все же продукцию маленького городка знал даже Париж в его золотые годы. Тарусские вышивальщицы создают узоры, соперничающие красотой своей с творениями вдохновляющей их природы. Быстро движутся умелые пальцы лучшей тарусской вышивальщицы Калядиной — и вот на белом полотняном поле возникают яркие цветы приокских лугов...

→ Когда тихий закат окрашивает пурпуром волны Оки, к берегу подходят тяжело нагруженные рыбачьи лодки. В час, когда бригада рыбаков возвращается с лова, на берегу собираются многочисленные любители этой романтической профессии. «Какую рыбку словили?» — несется с суши. «Стерлядок, лещика, судачка», — отвечают довольные добычей ловцы. Садок полон. Стерляди, лещи, судаки звучно шлепаются на дно корзины...

Таруса славится золотистыми пляжами, голубой Окой, упоительным воздухом. Таруса — прекрасная климатическая станция. Свыше десяти тысяч отдыхающих побывало здесь в прошлом году. И нынешним летом здесь на всех дорожках и тропах можно было увидеть москвичей, совершающих свой обязательный моцион...

Таруса — любимое место московских пионеров. Особенно хорош выстроенный в этом году лагерь Московского обкома союза деревообделочников. На опушке дремучего леса, над самой Окой, в сухом и здоровом месте, построены просторные дортуары, столовая, кухня. Для ребят здесь создан полный комфорт...

Но настоящие боевые ребята — «чапаевцы», «щорсовцы», «буденновцы» — презирают комфорт. В лесной чаще они строят шалаши. Здесь во время военной игры квартировали отрядные штабы. И потому строители старались так расположить и замаскировать шалаш, чтобы «враг» его не заметил.

Словно золотые рыбки плещутся в прозрачной воде загорелые ребятишки. Лишь один самоотверженный фотокор, забыв о прелестях Оки, дежурит у аппарата, чтобы «словить момент» и запечатлеть для предков и потомства красоты тарусской природы..

Не нужно уходить далеко за город, чтобы очутиться в тишайших местах, на не тронутых человеком лужайках, в густой чаще лесов. В голубом небе тают пушистые облака. Чуть наклоняются белоствольные березы, будто доверяя друг другу сокровенные тайны. Внизу, под косогором, бежит Ока. Тишь и благодать. Как вольно дышится здесь!

Профессор Р. Пельше

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ ЛАТЫШСКОГО НАРОДА

Тебе, класс основной, —
Служить бойцом,—где честь найдется выше? Твой —
К всечеловечеству и солнцу путь прямой!

Я. РАЙНИС

Несметные изумруды сверкают в сокровищнице латышского народного творчества: прекрасны и изумительны его сказки, легенды, басни, пословицы, поговорки, песни. По своему социальному содержанию, по простоте, ясности, по благозвучию и пластичности формы творения латышского народа стоят на высоком художественном уровне.

Иной характер носит латышское письменное литературное творчество. Оно не так уж молодо: ему около 300 лет,—но почти в продолжение 200 лет оно топталось на месте, на нем сказывались тлетворная атмосфера крепостнического общества и национальный гнет.

Письменное латышское литературно-художественное творчество начало оживать только 70—80 лет назад (Ю. Аллунанс, К. Баронс, Ю. Нейкенс и др.). В последней четверти XIX столетия проявили себя уже несколько десятков писателей, поэтов, драматургов. Среди них немало даровитых людей, но в основном это была литература дилетантства, местной буржуазно-национальной ограниченности и мелкого самодовольства.

И вот в это время на горизонте латышской литературы ослепительной молнией вспыхивает поэзия Яна Райниса. Глубина и смелость мысли. Четкость, острота постановки вопросов. Гордый, свободный полет творческой фантазии. Глубокая искренность, теплота. Изумительный язык, небывалые богатства и точность слов, их неожиданные сочетания, новообразования.

«Далекие аккорды в синий вечер» — первый сборник стихов Райниса (1903 год). Он сразу взлетает на вершины популярности, становится певцом всего трудового народа, но прежде всего пролетариата, которого поэт называет «основным классом».

Многогранен талант Райниса: он не только вдохновенный стихотворец, но и талантливый драматург. Все его основные пьесы («Огонь и ночь», «Золотой конь», «Иосиф и братья» и др.) переведены на многие европейские языки, в том числе и на русский.

Я. Райнис (Янис Христофорович Плекшанс) родился 75 лет назад, 11 сентября 1865 года. В 15—16 лет Райнис уже писал стихотворения значительной художественной ценности, как например «Королевна».

Учась в гимназии, Райнис увлекается чтением легенд и былин латышей, литовцев, белоруссов, русских и других народов, а также классиков. В эти же школьные годы юный Райнис переводит мировых светил литературы, в том числе и Пушкина («Борис Годунов»), несколько позже—Лермонтова («Демон») и других. Ему же принадлежит перевод «Фауста» Гете. Перевод этот исключительно своеобразен, он значительно выше переводов гениального гетевского творения на многие другие языки, прежде всего на французский и английский. Этим переводом Райнис поднял латышский крестьянский язык до высот языка народов современной культуры.

Я. Райнис принадлежит к числу тех мастеров культуры, которые свою творческую деятельность сочетают со служением народу, с активным участием в общественной жизни. Райнис был одним из основоположников социал-демократии в Латвии.

В университетские годы в Петербурге (1884—1888 гг.) Райнис соприкасается с тогдашними революционными студенческими кружками. Он вскоре начинает склоняться в сторону марксизма, опережая своих товарищей (П. Стучка и др.), которые дольше чем Райнис остаются в пределах господствовавшего тогда среди латышской интеллигенции радикально-демократического течения («яуна страва»).

В 1899 году царское правительство выслало Райниса в Вятскую губернию, где он проводит долгие, мучительные пять лет. Дух поэта-борца не сломлен. В одном из лучших своих стихотворений, проникнутом великим гневом и страстной ненавистью к врагам трудящегося народа (стихотворение «День страшного суда», перевод Н. Подгоричани), Райнис с глубокой скорбью говорит:

«Горячих много
Замрет сердец,
И много смелых
Сразит свинец,
Задушит многих кошмар,
Пока взовьется
Из искр пожар...»

Но вместе с тем поэт убежден, что, несмотря на все гонения, на все ухищрения врага, на все ужасы и муки, народ восстанет, и самый слабый выйдет на бой с неволей, с неправдой.

Грозными бурями промчался 1905 год. Наш поэт дышал, горел его великими событиями...

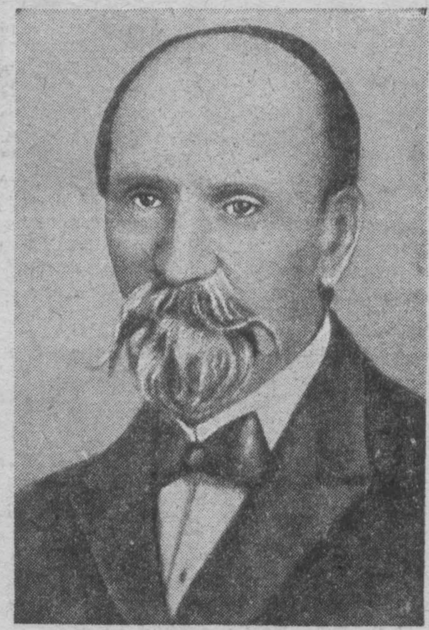
Разгром революции. Изгнание. Райнис, переехав в Швейцарию, пишет свою бессмертную «Тихую книгу»:

«Мы в книгу из черных страниц
Хороним и песни и думы,
Чтоб скрылись в них слезы и стон,
Как в тьме непроглядной, угрюмой...»

Но Райнис ни на минуту не теряет ясности мысли и перспективы:

«Но в книге из черных страниц
Пусть каждая буква пылает,
И будит уснувших в земле,
И силы живым прибавляет...»
(Перевод И. Белоусова).

Поэт-борец предостерегает против ликвидаторства, против увлечения «малыми делами», против сдачи революционных позиций:

Я. Райнис.

«Царит ли тишина, грозит ли буря,
Иль за ночь все вверх дном перевернется,—
Но важно лишь одно—поднять скорее
Самосознание в классе основном...
...Лишь он способен дело завершить:
Свобода для него—не торг,
Не компромисс и не забава—жизнь!..»

Вместе с тем поэт не отгораживает «основной класс» от других слоев трудового народа: пролетариат поведет их за собой к свободе и счастью.

Империалистическая война 1914—1918 годов страшно потрясает Райниса. В конце концов он оказывается под сильным влиянием латышских буржуазных националистов. Правда, от социализма Райнис никогда не отказывался. И вплоть до конца 1916 года он защищал лозунг «свободная Латвия в свободной России». Еще в августе 1917 года поэт зовет латышский народ бороться совместно с русскими рабочими и крестьянами против помещиков и капиталистов («Письмо латышскому народу», 22. VIII. 17). В дальнейшем, однако, Райнис увлекается идеей латвийского государства. Оно ему кажется тем «царством Спидолы», то есть социализмом, о котором он уже раньше говорил в пьесе «Огонь и ночь».

С такими мечтами и надеждами поэт в апреле 1920 года возвращается в буржуазную республику Латвии. Торжественная встреча. Поэт в восторге. Поэт очарован. Но, увы! Буквально через несколько месяцев он записывает в дневнике, что это был только сон, а не действительность. Мечта о «царстве Спидолы» — о социализме—через буржуазную демократию рассеивается... Уже в 1921 году Райнис с глубокой душевной болью пишет:

«Свобода гибнет—новой жизни скрепа,
Вновь льется кровь—позором чернокрылым,
Порядок старый вновь встает из склепа».

Это буржуазные хозяева республики — кулаки, купцы, фабриканты — при помощи своих верных холопов—меньшевиков—творят кровавую расправу над авангардом пролетариата—над коммунистами и всеми передовыми рабочими, бедняками. И возмущенный поэт взывает: «На борьбу ступай со злом постылым!» А врагам народа он бросает в глаза:

«А ваши души—жалкие калеки!
Их солнце не зажжет,
С другими в лад им не звенеть вовеки!»
(«Снова борьба», перевод А. Штейнберга).

Ему трудно, тяжело...

Райнис — директор национальных театров, начальник департамента искусств, министр народного просвещения. Но червь глубокой неудовлетворенности беспрестанно точит его измученное, по-детски чистое сердце. Мучительно тяжело он переживает трагизм своего положения: опостылела страна жалких торгашей и насильников, но вырваться из нее уже не хватает сил. Не хватает сил и для того, чтобы снова узами страданий и крови связаться с лучшими людьми «основного класса»—с жестоко преследуемой коммунистической партией Латвии. И вконец измученному Райнису, былому гордому, смелому буревестнику, остается только одно: все больше, все глубже уходить в самого себя...

«Мне теперь нужно окончательно сделаться одиноким»,—записывает он в дневнике 20 января 1929 года. Подобные записи поэт делал еще за несколько дней до смерти...

Так жил, боролся, умер гениальный поэт латышского трудового народа, не увидев того «царства солнца», за которое он так много страдал.

Огромно литературное наследие, которое оставил этот великий реформатор латышской литературы и языка. Он создал свой собственный реалистически-романтический стиль. Его драмы, трагедии пронизаны шиллеровской идейностью и шекспировской реалистичностью, овеяны романтикой высоких, гуманистических стремлений.

Колоссальна роль Райниса в жизни, в борьбе маленького латышского народа. Немало ошибочного было в его теориях, взглядах, работах, стремлениях. Но все же лучшие годы и работы Райниса принадлежат рабочему классу и его друзьям. И блуждая, заражаясь идеями культуртрегерского, пацифистского, идеализированного национального государства, он никогда ни на минуту не был шовинистом и никогда не отрекался от социализма.

Райнис боролся, страдал за свободную, счастливую трудовую Латвию, в которой не торговали бы потом и кровью народа. Ему не довелось дожить до осуществления его мечты. Но теперь Латвия свободна и счастлив ее трудовой народ. И этот народ навеки сохранит благодарную память о своем гениальном поэте.

Мариэтта Шагинян

СИМФОНИЯ

Ничто так не повредило музыкальной культуре человечества, как старанье «околомузыкальных» людей примитивно разъяснять слушателю музыкальное произведение как рассказ, словесными образами и словесным сюжетом. И не потому это повредило, что словесные толкованья могут быть совершенно произвольны, неверны, неточны и проверить или доказать их невозможно. Главная беда тут в другом: когда слушатель приучается следить за музыкой по переводу ее на словесный язык, то есть непрерывно ассоциировать ее с указанными в программе всяческими перипетиями «любви артиста», «утвержденья личности в социальной среде», «острова мертвых» и прочим тому подобным,— он тем самым теряет возможность слушать музыку в ее собственном, музыкальном речении, следовать за развитием ее собственного, музыкального языка, иначе сказать, он не вырабатывает настоящего понимания музыки.

А ведь музыка и есть этот особый язык; по примеру других, он имеет и свою грамматику, свой синтаксис, свои законы построения и связи. Люди изобрели нотопись, где этот язык пространственно записывается и его можно прочитать глазами. Грамотное чтение нот, с уменьем напеть их про себя, с правильным схватываньем ритма, должно было бы стать достоянием каждого человека, кончающего десятилетку.

Вот отсюда, из пониманья собственного языка музыки, и воспитывается культура слуха. И если вы, сидя в концертном зале, умеете следить всем своим чувством и мыслью за развитием и построением великого мира музыки, если вы отдаетесь ее логике, слушаете только ее и понимаете дирижера, когда он как бы вычерчивает перед вами в пространстве этот воздвигаемый мир, и понимаете работу оркестра, как он трудится, связно и согласованно, во всем разнообразии средств, камень за камнем откладывая на этой постройке,— то вы тогда полностью получаете и все идейное и эмоциональное содержание, которое композитор действительно вложил в свое произведенье. И только тогда язык музыки вы можете более или менее приближенно перевести на язык идей.

Но никакие этикетки, объясненья, поощренья не заставят вас, грамотного человека, услышать в музыке «могучий индустриализм», если музыкальный язык произведения, исполняемого на концертной эстраде, убог и подражателен, беспомощен и криклив, если ваш слух страдает от этого языка, не может ухватить в нем ни целости, ни логики развития при всей высшей банальности его формы. Итак, у слушателя должен быть музыкальный критерий; и этот критерий дается только грамотностью, знаньем собственного языка музыки, опытом постоянного, многолетнего слушанья музыки, вырабатывающим вкус.

Представим себе теперь такого идеального советского рядового слушателя и поведем его на «пятую симфонию» Шостаковича в исполнении оркестра Ленинградской филармонии, под управленьем Е. А. Мравинского. И я тоже буду «рассказывать» — всеми доступными мне средствами слова,— но рассказывать не о том, что услышал наш рядовой гражданин, а о том, как он слушал.

Композитор Дмитрий Шостакович.

Фото Я. Босина

Гражданин — назовем его хоть Иваном Иванычем — прошел по ярко освещенному залу Консерватории и сел на свое место. Он хорошо знает этот зал,— чудную русскую читальню звука, не пышную и не очень большую, но созданную для своей цели, воспитывающую, «настраивающую», с серьезными, прекрасными лицами больших музыкантов под ее плафоном, с блестящими раструбами органа у эстрадной стены. Вот и книга раскрыта, разместился и замер великолепный оркестр. Вот, не отвечая на аплодисменты, тонкий, высокий, чопорно-угловатый, прошел к пульту Мравинский. Вот он весь подобрался перед своим первым движеньем — и скрипки подхватили и повели начатую виолончелью и контрабасом широкую мелодическую волну:

Когда «вступили в разговор» духовые (флейта, потом гобой, кларнет, фагот) и мелодия стала расти и развиваться, Иван Иванович уже ощутил, с первого же внутреннего толчка, что это есть, что перед ним настоящее, большое симфоническое искусство, что от этого нельзя оторваться ухом, и он будет идти за ним и слушать его до конца.

В музыкальном языке есть (как в языке каждого другого искусства, например в архитектуре и в поэзии) особое, замечательное свойство: настоящий талантливый мастер умеет дать на нем с первых же его слов (с первых тактов мелодии) ту часть контура, которая как бы взывает к целому, или такую сжатую тему, которая сразу же приносит с собой чувство целого или присутствие целого, хотя само по себе это целое и вовсе еще не сказано и его только предстоит воссоздать перед слушателем. Уменье дать слушателю целостное впечатление с первых же страниц партитуры есть основной и величайший признак музыканта. Надо сказать, что это уменье очень редко. Но школа воспитывает его и культивирует, когда она держит учащихся на классических образцах и, требуя постоянного повторения классических вещей, дает ученику неоднократно переживать эту, присущую им целостность.

Вот почему первое впечатление, которое формулирует про себя Иван Иванович, отдаваясь симфоническому потоку Шостаковича, звучит примерно так: «Да это совсем классично!» Иван Иванович прав: он читает своим грамотным ухом прекрасную музыкальную повесть, логичную, разработанную, цельную, говорящую языком музыкального мышленья по тем внутренним законам, по каким говорили старые мастера... Но нет, не тем, не совсем тем, тотчас же поправляет сам себя Иван Иванович. И тут, из глубины сознания, возникает другая формулировка. Он не специалист, ему трудно найти верные слова, он робеет и вслух боится высказаться, но чутьем он улавливает разницу в логике развития целого.

Композиторы классической школы развивали тему как бы путем разматыванья всего ее звукового потенциала, они ее модулировали, заставляли линейно повторяться то в одной, то в другой тональности; прогоняли сквозь строй секвенций; разлагали на части в вариациях, бесконечно арпеджировали, развивали, завивали, делали с ней все, что только может допустить синтаксис музыкального языка,— и эта развернутая, исчерпанная тема стремилась к конечному гармоническому разрешению, снятию себя, окончанию, точке.

Шостакович не делает со своей темой ничего подобного, он не устремляется в нее с головой, не разматывает ее, а излагает ее отдельными, не развиваемыми дальше мелодическими элементами, их разнообразием, их богатством. Если сравнить тут с работой живописца, вспомнить образ человека с кистью в руке: вглядывающегося в натуру, в полотно, отходящего на шаг, клонящего к плечу щеку, опять подступающего к картине, кладущего мазок, потом еще мазок, точку, бросок, и этими отдельными, как бы расчлененными штрихами медленно воссоздающего целое,— то можно по этой аналогии представить себе, как воздвигается мелодическими штрихами в ушах слушателя симфоническое целое Шостаковича. Мазки разные, но они соподчинены внутренней целостности. Фрагмент мелодии как будто не раскрыт, не исчерпан, обронен, и музыка идет дальше мимо него; но это неверно, он не теряется, он стал на свое место в построении целого, он штрихует это целое, и его нельзя вынуть оттуда, как нельзя вынуть кирпич из постройки.

Вот это второе впечатление — нового в логике развития формы — заставляет Ивана Ивановича воскликнуть про себя, добавляя к первой формулировке: «Да, классично, а в то же время ведь это совсем свежо, ново, принципиально ново, продолжает развитие музыки». ...И тут я опять сделаю отступленье.

Мы часто, говоря об искусстве, забываем, что искусство есть процесс, что оно непрерывно живет и развивается, клонится к упадку и восстанавливается, умирает и расцветает. И каждый живой и чувствующий, художественно грамотный человек, когда он воспринимает произведение искусства, где есть ростки нового, где делается шаг в будущее, где показывается, как надо расти в будущее,— он как бы по-новому входит всем своим чувствующим и мыслящим существом в волну истории, и он не может не признать ценности, нужности, истинности такого произведения. Вот где причина широкой популярности пятой симфонии Шостаковича. Как же вы думаете, читатель, мог ли бы сделать это Шостакович, не будь он человеком новой,

социалистической эры, не получи он свое душевное и умственное содержание от всего советского мира, от великого опыта наших лет, впитанного им с одиннадцатилетнего возраста (год рождения Шостаковича — 1906)? У нас есть своя, патриотическая гордость теми нашими гражданами, кто **двигает** свою специальность. Шостакович дает нам законное основание для такой патриотической гордости, потому что он обогатил нашу советскую музыку.

Но мы оставили нашего Ивана Ивановича в своем кресле, подперщим голову рукою. Он уже дослушал первую часть и обратил внимание на рассыпавшуюся в ее конце тремя короткими горстями снизу вверх странную, одинокую стеклянную волну каких-то особо звенящих звуков, аккомпанируемую глухим рокотом арфы и монотонными, замирающими гармониями скрипичных. В справочнике он прочел, что эта волна в конце первой части симфонии есть «изумительно найденный ход» особого музыкального инструмента, челесты (celesta). Если Иван Иванович захочет дома повторить для себя то необыкновенное очарование, каким прозвучал этот ход, и лучше понять, что же в нем изумительно найденного; если он развернет партитуру и пальцем наиграет это место на рояле, то вдруг увидит, что прежний звук не повторился, что это — совсем не то и никакого очарования не получается.

Трижды:

Почему же пропало очарованье? Потому ли только, что не звучат в аккомпанементе виолончели и арфа? Тут мы подходим к новому опыту нашего Ивана Ивановича в музыке. Не всякая мелодия звучит хорошо на всяком инструменте. Искусство оркестровки и заключается в уменье чувствовать пределы выразительности каждого инструмента в оркестре и заставлять его говорить то и тогда, что и когда он может сказать до глубины души хорошо, по-свойски, а не только «вообще выигрышно», на общем фоне. Иначе говоря, чтоб вернуть очарованье приведенной выше фразы, надо, чтоб ее сказала нам именно челеста и сказала после всей прослушанной первой части.

Шостакович — глубокий мастер оркестровки. Он знает и чувствует каждый инструмент, как собственный голос. Слушая пятую симфонию Шостаковича, вы следите за разговором инструментов и за сменой их тембров, как за логическим моментом в развитии мыслей симфонии. И Мравинский поистине артистично подчеркивает эту глубокую особенность оркестровки Шостаковича, выводя из оркестра всей пластикой своего сдержанного жеста (к концу все более разгорающегося и как бы вырывающегося изнутри) тот или иной голос, ту или иную вспышку мелодии, порученную, как соло, одному из инструментов. В пятой симфонии очень своеобразный состав оркестра: большое разнообразие духовых и ударных, тимпаны, военные барабаны, триангело, там-тамы, ксилофоны. Но шумами Шостакович не злоупотребляет, и его оркестр не шумит, а поет и разговаривает. Особенно хорошо это в третьей части симфонии (largo). Тут наш Иван Иванович с наслажденьем слушает дуэт скрипок, где одна говорит, а другая отвечает; слушает целый ряд соло, поднимающихся над оркестром: говорит в одиночку гобой, говорят кларнет, флейта, арфа. Если опять попробовать повторить на рояле все сказанное этими инструментами, оно потухнет: так слитно их «слово» с их тембром, словно рождено в недрах самого инструмента. До последнего взмаха дирижерской палочки Иван Иванович сидит, не двигаясь, следуя за композитором, мысля его звучаньями, переходя от мелодической длинной первой части к короткой и крепкой второй (allegretto), к насыщенной драматизмом третьей и к обобщающему победному концу четвертой. Вот только не нравится ему самый конец — эти тридцать три такта назойливого, упорного, однообразного ударения на одной ноге. «Долбежка, чересчур». — бормочет про себя Иван Иванович, вспоминая, однако, что ему уже не нравятся и старые классические концы на оглушающей тонике. Может быть, он неправ, но я беру его, рядового грамотного слушателя, таким, как он есть, со всей его честной внутренней реакцией на прослушанную музыку. Может быть, и даже наверное, он никому не расскажет о том, что пережил и передумал, боясь ошибиться или насмешить специалистов, но внутри себя он честен и, главное, заполнен впечатленьем. Вот он встает вместе со всем залом, закидывает голову, поднимает руки и громко, неистово аплодирует...

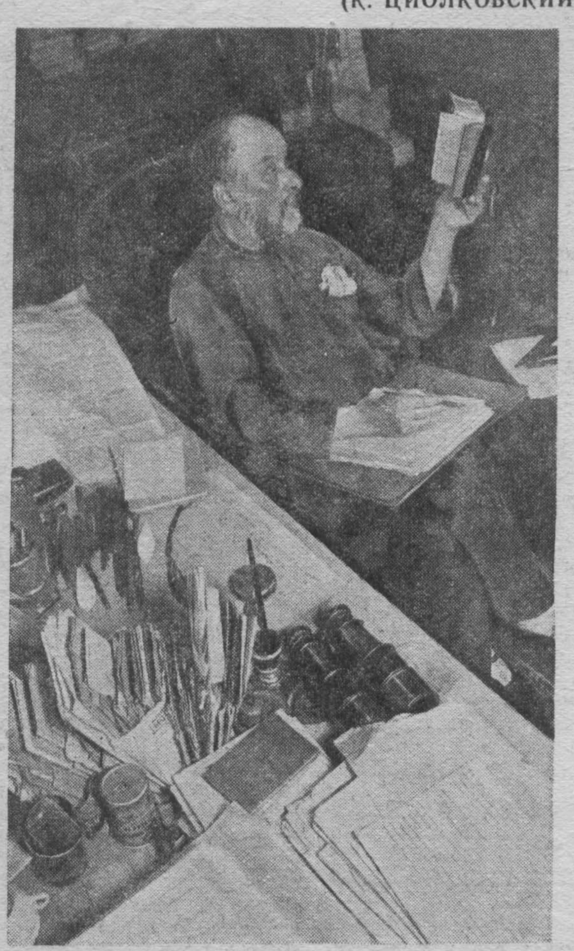
Что получил, что унес он с концерта? Музыка высветлила, укрепила его, согрела мозг творческой теплотой. Она дала остро пережить ценность жизни, подняла к вершинам самоощущенья, обогатила, научила новому. Она организовала чувство и мысль. Она выпустила из своей «лаборатории восприятия», где слушатель провел меньше часа, как бы нового человека, с повышенным тонусом, который увидел гениальную «чистую работу» и сам будет строже в своем критерии, сам невольно и неизбежно потянется к чистоте работы в своем собственном деле. Обще? А мне кажется, конкретно. Настолько конкретно, что не хочется размазывать словами.

А. Пальчунов

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ УЧЕНЫЙ-САМОУЧКА

«Мы исчезаем, но истина исчезнуть не может».

(К. ЦИОЛКОВСКИЙ).

К. Циолковский.

«По природе или по характеру я революционер и коммунист... Глухота с десяти лет сделала меня слабым, и вследствие этого у меня не было товарищей, друзей и общественных связей. Исход моим реформаторским стремлениям был один: техника, наука, изобретательство и естественная философия».

Так начинается автобиография Константина Эдуардовича Циолковского — выдающегося гражданина Советского Союза, знаменитого ученого, смелого новатора.

Пять лет назад, в сентябре, умер этот пламенный патриот родины, умер человек исключительной воли, гигантской энергии, человек труда, науки и беспредельной фантазии.

Интересы и творческие порывы Циолковского, как и все его мировоззрение, были исключительно цельными и гармоничными. Цель — счастье будущего человечества, путь — овладение миром, сначала атмосферой, а затем и космическим пространством.

Научное и литературное наследство самоучки-ученого грандиозно. До Великой Октябрьской социалистической революции, в течение почти 40 лет, К. Э. Циолковский напечатал 50 произведений, и до 80 — осталось в рукописях. А за 17 лет, прожитых им при советской власти, было напечатано 150 книг, брошюр, статей в журналах и газетах и написано 450 рукописей.

Не будем приводить десятки проблем, над которыми плодотворно работал ученый-самоучка. Остановимся вкратце только на том, что дал он нашей авиации и воздухоплаванию, которые неизменно увлекали его.

На основании точных документальных данных, собранных в архиве К. Э. Циолковского, установлено, что он первый в России построил свою аэродинамическую трубу, с помощью которой в нашей стране было положено начало развития экспериментальной аэродинамики. Циолковским же разработана и идея постройки цельнометаллического дирижабля с изменяющимся объемом. Идеей создать управляемый аэростат Циолковский опередил графа Цеппелина на три года. Идея и разработка высотного аэроплана, полуреактивного стратостата и стоместного гидроплана-крыла также принадлежат русскому самоучке-изобретателю.

Реактивные летательные аппараты и цельнометаллический дирижабль с изменяемым объемом путем подогрева газа — две стержневые проблемы, которым была посвящена вся жизнь К. Э. Циолковского. Эту работу, начатую под непосредственным руководством Константина Эдуардовича, ныне продолжают молодые советские инженеры — энтузиасты дирижаблестроения.

Тяжелый и тернистый путь к науке прошел Циолковский при царизме. На последние гроши будущий всемирноизвестный ученый упорно приобретал книги, материалы и аппаратуру для своих опытов и открытий. «Помню отлично, что, кроме воды и черного хлеба, ничего не было. Я проживал 90 копеек в месяц»,— вспоминал Циолковский.

Под нажимом общественности в 1904 году газета «Русское слово» собрала 500 рублей для сооружения металлического дирижабля, но и эти деньги «высокодобродетельная» газета не преминула растратить.

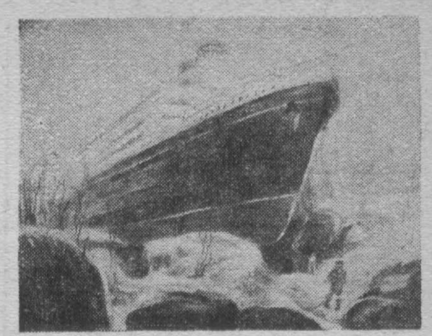
«Ученые комитеты» того времени встречали нападками и насмешками «фантастические» идеи гениального ученого. Циолковский был одинок: ни моральной, ни материальной поддержки ему не от кого было ждать.

«Меня нисколько не страшит критика моих работ, но меня страшат мое одиночество, замалчивание и мое бессилие»,— с горечью говорил он немногим друзьям.

Несмотря на исключительные заслуги Циолковского в деле реактивного движения, до революции его труды не получили признания, и только с установлением советской власти деятельность и жизнь ученого озарились дотоле неведомым огнем. Идеи Константина Эдуардовича получили полное признание большевистской партии и правительства. Ученому были предоставлены неограниченные материальные возможности для научной работы. Страна, партия и правительство оценили работы Циолковского и их значение. Он был награжден орденом Ленина и орденом Трудового красного знамени.

В. Фефер

«ГИБЕЛЬ «ОРЛА»

На дне моря.
Эскиз худ. Ю. ШВЕЦ.

В сентябре 1920 года разгромленные банды белогвардейцев и интервентов, отступая от Новороссийска, захватили и увели гордость русского торгового Черноморского флота—океанский пароход «Орел». Дальнейшая судьба парохода и его экипажа неизвестна. Случайно оставшийся на берегу боцман «Орла» Груздев не мог себе представить, чтобы команда во главе с капитаном Чистяковым могла отдать пароход в руки врагов революции.

Капитан парохода «Орел» Чистяков—засл. арт. республики Н. А. Анненков.

Двадцать лет хранило Черное море тайну исчезновения «Орла». Груздев, ставший капитаном комсомольского эпроновского спасательного судна «Камбала», отправляется на поиски «Орла». Вместе с ним выходит в море сын погибшего капитана «Орла» Федор Чистяков, лучший водолаз Балтики, мастер глубинного спуска. После долгих поисков на дне Черного моря Чистяков обнаруживает пароход. Перед ним небольшая часть передней палубы затонувшего корабля. Между паровых лебедок и якорных цепей выросли морские лилии. Из раскрытых дверей матросского кубрика важно и медленно выплыла крупная рыба. Чистяков скользнул вперед и нетерпеливо раздвинул водоросли—перед ним оказался знаменитый колокол «Орла».

«Слушайте, товарищ командир,—кричит по телефону Чистяков, — слушайте — это голос «Орла!»

Странно звучит под водой звон внезапно ожившего колокола. Стая мальков в панике метнулась из водорослей. Чистяков пробирается дальше по кораблю. Необычайно выглядит каюткомпания. Стеклянный потолок ее раздавлен, сверху льется голубой свет. Высокие стебли водорослей колышатся между диванами и кожаными креслами. Квадратные потемневшие зеркала многократно отражают фигуру водолаза и создают впечатление, что подводный сад наполнен людьми. Чистяков медленно прошел вперед—следом за ним двинулись отражения.

Дверь каюты капитана изрешечена пулями. У двери на полу лежит большой офицерский маузер. На письменном столе капитана найдена массивная стальная шкатулка. Она доставлена на «Камбалу». С огромным волнением берет ее Груздев. Здесь, в этой шкатулке, тайна «Орла».

Записи на истлевших страницах судовой тетради, сделанные рукой капитана, раскрывают эту тайну.

«...«Орел» не пройдет в Константинополь,—писал Чистяков-отец,—через полчаса он будет затоплен нами. Весь экипаж, как один человек, принял решение погибнуть, но не дать врагам революции увести наш пароход заграницу.

1 час 20 минут... Машины застопорены. Поступило донесение. Команда надевает праздничные робы. Через минуту на гроссмачте взовьется красный флаг. Слышу рев выпускаемого пара... Крики... Офицеры контрразведки ломятся в двери моей каюты. Я объявил им приговор экипажа. Отвечают стрельбой через дверь.

1 час 23 мин. ...Кингстоны открыты... Грохот. Крен на правый борт. Погружаемся! И, выполняя свой долг, верим, что «Орел» останется цел и еще послужит родине.

Да здравствует революция, да здравствуют наш флот и Советская Красная Армия!

От имени экипажа «Орла»—Федор Чистяков. Капитан».

В память геройски погибшего экипажа «Орла» и его капитана, свято выполнивших свой долг перед родиной, приспускаются флаги на кораблях ЭПРОН. Траурные залпы.

...Море вспенилось, распахнулось, и вместе с мощными звуками гимна и криками «ура» со дна поднялись стальные понтоны и вслед за ними — гигантский, покрытый ракушками и водорослями пароход «Орел», возвращенный советскому флоту.

Таково содержание нового художественного фильма, который ставится на фабрике «Союздетфильма» в Москве режиссером В. Журавлевым по сценарию В. Гребнера. Снимают его главный оператор Ю. Фогельман и оператор С. Урусевский. Художник — Ю. Швец. Звукооператор—Н. Писарев.

В действительности «Орла» не было — так был назван К. Золотовским корабль в его повести «Капитан Люце», послужившей основой для сценария.

Сценарист использовал также подлинную историю океанского парохода «Петр Великий», пролежавшего на дне моря 20 лет и лишь в прошлом году поднятого ЭПРОН и сданного в Одессе Управлению Черноморского флота для ремонта.

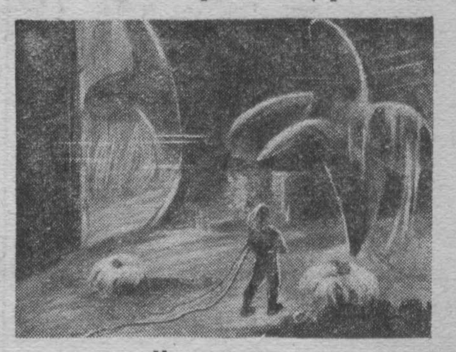
На экране зритель увидит огромного «Орла» у пристани, в сравнении с которым человек кажется совсем крохотным. Толпы белогвардейцев и интервентов поднимаются по трапу на корабль, они проходят по ступенькам в самый верх кадра. Кроме трапа и декораций нижней части корабля в 4 метра высоты ничего не было выстроено при съемке. Применили метод оптического совмещения. Небольшой макет борта и палубных построек подвесили на первом плане перед аппаратом. После подгонки совмещения на экране возникает силуэт огромного корабля с еле заметными точками людей.

Значительная часть фильма должна сниматься под водой. У советской кинематографии есть небольшой опыт таких съемок.

Когда снимались «Сокровища погибшего корабля» (производ-

Кадр из фильма «Гибель «Орла». Слева направо: артисты Н. Горлов (в роли кока), К. Туманов (в роли юнги Жоры), И. Бобров (в роли кочегара Жукова).

На дне моря.
Эскиз худ. Ю. ШВЕЦ.

ство Ленинградской студии), заранее изготовленная декорация была опущена при натурных съемках в море, но небольшой штормик быстро ее разрушил. В естественных условиях малейшая волна начинает качать декорацию, аппарат, ломает свет, вода становится мутной. Большие затруднения возникают также ввиду невозможности погрузить на дно моря режиссера, актеров, обслуживающий персонал. При съемках на натуре съемочная группа целиком зависит от стихии.

Съемки через аквариум также не всегда достигают цели. Между тем в фильме «Гибель «Орла» есть ряд сцен, которые не могли быть засняты в ателье, например работа водолазов по поискам и подъему затонувшего корабля, сцены в каюте капитана и др. Для натурных съемок выбрали Балаклаву — закрытую бухту Черного моря с очень прозрачной водой. Грунт ее — белая галька, хорошо отражающая свет. По проекту С. Урусевского, было сконструировано приспособление для ручного съемочного аппарата, сделавшее его абсолютно водонепроницаемым. Все управление аппаратом было выведено наружу.

Оператор после небольшой тренировки под руководством опытных водолазных инструкторов опустился в воду в облегченном водолазном оборудовании, то есть без тяжелого скафандра, в так называемой рейдовой маске. В результате получилась интересная панорама спуска водолаза, начатая над водой и уходящая потом под воду. Эти кадры тем более кажутся естественными, что отчетливо сняты окружающие водолаза рыбы и морские растения.

По проекту художника Ю. Швец и оператора Ю. Фогельмана, в Одесской студии сооружен капитальный бассейн для надводных и подводных съемок. Размер его — 22 × 20 метров, глубина — 6 метров.

На дне его сделан морской подводный пейзаж, пущены морские растения, рыбы, медузы. Его питает магистраль, непрерывно подающая морскую воду. По бортам, в стенах, устроено шесть колодцев-камер для съемочных точек и осветительной аппаратуры. Основные же съемки производятся из специально сконструированного операторами полого цилиндра с иллюминаторами, стоящего в воде на тележке, которая может передвигаться по дну бассейна. Цилиндр может вращаться вокруг своей оси, что дает возможность снимать панорамой. Так будут сняты сцены прохода водолазов по дну моря и другие подводные сцены.

В бассейне строятся также декорации палубы затонувшего корабля, салона, каюты и т. п., устанавливается аппаратура и потом все это затопляется морской водой. Здесь же будут сняты и эпизоды подъема «Орла». По эскизам художника и расчетам специалистов кораблестроителей, выстроен двенадцатиметровый макет корабля. Изготовлены понтоны к нему. На экране будут показаны моменты продувания понтонов и отрыв корабля от грунта. Стремительно пронизывая толщу воды, поднимается корабль на поверхность...

М. Поляновский

ГОЛОС ЛЬВА ТОЛСТОГО

Первый, кому пришла мысль записать речь Толстого на фонографе, был В. В. Стасов. Еще в 1903 году он затеял деятельную переписку с Софьей Андреевной с просьбой добиться позволения Толстого записать его речь. Но Лев Николаевич ни за что не соглашался на эти опыты и в своем письме к Стасову писал: «...Ради нашей дружбы бросьте это дело и избавьте меня от этих фонографов... Мне это ужасно неприятно, и я решительно не соглашаюсь позировать и говорить... пожалуйста простите меня, но избавьте».

При жизни Стасова это его горячее желание — сохранить голос великого писателя — так и не осуществилось, но в дальнейшем речь Толстого была зафиксирована, и мы теперь имеем возможность услышать голос гениального писателя.

«На этих днях Лев Николаевич начал пользоваться присланным ему Эдисоном фонографом для диктования писем. Он находит в этом большое удобство и облегчение, потому что часто, как он сказал недавно, ему хочется, прочтя письмо, сейчас же, под свежим впечатлением, ответить на него, а сказать ответ в фонограф легче и скорее, чем писать его на бумаге».

Эти строки занес в начале 1908 года в свой дневник секретарь великого русского писателя Н. Н. Гусев.

Фонограф, к которому прикреплена металлическая дощечка с английской надписью «Подарок графу Льву Толстому от Томаса А. Эдисона», позволил донести до наших дней голос классика мировой литературы.

Недавно фонограф из Ясной Поляны был доставлен в Москву. Здесь же находятся восковые валики, запечатлевшие живую речь Льва Николаевича.

Десять валиков с речью Толстого дошли до наших дней в сохранности. Их предполагается перезаписать с помощью современной техники на граммпластинки, на пленку. Фонограф будет реставрирован, так как валики лучше воспроизводить на том фонографе, которым они были записаны.

Каково же содержание этих записей?

В большинстве это ответы на письма, но есть несколько счастливых исключений. Расскажем о них.

На круглой коробке, где лежит один из фонографных валиков, надпись: «Перевод рассказа Гюго об убийстве городового. Апрель, 1908».

В дневнике А. Б. Гольденвейзера[1] имеется запись, относящаяся к 14 апреля 1908 года: «Лев Николаевич восхищался маленьким рассказом Гюго из посмертного тома — о городовом и толпе, хотевшей его убить. Он перевел его в фонограф».

Толстой переводил этот рассказ, названный им впоследствии «Сила детства». Стоя у фонографа с французской книгой в руке, Л. Н. с чувством, выражением и подъемом, как хороший чтец, излагал в трубу фонографа содержание рассказа по-русски.

Через несколько лет после смерти Толстого этот рассказ, переписанный с валика, был напечатан.

Специально для ребят Толстой переложил в фонограф понравившийся ему рассказ Лескова «Под праздник обидели». Рассказ этот, большой по размеру и для детей трудно доступный, Л. Н. пересказал в фонограф, упростив его и сократив изложение. Валик с рассказом, названным писателем «Воров сын», сохранился.

Яснополянские ребята, с которыми занимался Толстой, заручились его обещанием показать им говорящую машину.

Однажды после занятий Толстой исполнил данное им обещание. Фонограф из кабинета писателя принесли в переднюю, где были мальчики. Удивленные ребята услышали обратившийся к ним из трубы голос Льва Николаевича:

— Спасибо, ребята, что ходите ко мне. Я рад, когда вы хорошо учитесь. Только, пожалуйста, не шалите, а то есть такие, что не слушают, а только сами шалят. А то, что я вам говорю, нужно для вас будет. Вы вспомните, когда уж меня не будет, что старик говорил вам добро. Прощайте, будет.

Фонограф, увековечивший голос Л. Н. Толстого.

На этот же валик Лев Николаевич вскоре продиктовал предназначенный для детей рассказ о человеке без ног.

★

После событий пятого года широко разлилась волна реакции. Царские власти жестоко расправлялись с рабочими и крестьянами.

Известия о непрерывных смертных казнях волновали Льва Николаевича. Заметку о казни двадцати крестьян Херсонской губернии он прочитал своему секретарю Н. Н. Гусеву вслух и сказал:

— Да, хорошо устроили жизнь...

Придя к себе в кабинет (это было 11 мая 1908 года), великий писатель подошел к фонографу и, словно изливая свое возмущение действиями правительства, высказал вслух свои мысли.

— Нет, это невозможно! Нельзя так жить!.. — говорил в фонограф Толстой.—Нельзя так жить!.. Нельзя и нельзя. Каждый день столько смертных приговоров, столько казней; нынче 5, завтра 7, нынче 20 мужиков повешено, 20 смертей.. А в Думе продолжаются разговоры о Финляндии, о приезде королей, и всем кажется, что это так и должно быть...

Фонографный валик, на котором Л. Н. Толстой вслух выразил свое отношение к царскому правительству, сохранился и может быть воспроизведен для потомства.

В то время когда Толстой наговорил эти слова в фонограф, он работал над статьей о смертных казнях. Вскоре статья была опубликована и прогремела по всему миру, как приговор царизму. Называлась она «Не могу молчать!»

★

Среди валиков, содержащих живые ответы Льва Николаевича на письма своих корреспондентов, есть несколько особо интересных записей. Две из них касались вопросов литературы.

Ученик Варшавского кадетского корпуса в своем письме спрашивал у писателя: декадентство в литературе — упадок или возрождение?

Письмо заинтересовало Толстого. 24 февраля 1908 года Лев Николаевич ответил ученику письмом, которое продиктовал в фонограф.

Другой юноша, из Киева, прислал Толстому письмо, где сообщил о впечатлении, вынесенном им от чтения романа Арцыбашева «Санин».

Лев Николаевич, не читавший до тех пор «Санина», специально ознакомился с этим произведением. Его ответ юноше, продиктованный в фонограф, явился, по существу, критической статьей, в которой великий писатель разгромил этот пошлый роман.

Популярность Льва Толстого, глубокое уважение, которым он пользовался во всем мире, вызывали у множества людей желание услышать его голос.

Это учел Эдисон, добившийся у Толстого разрешения прислать к нему в Ясную Поляну своих сотрудников для записи голоса писателя.

В 1908 году прибывшие в Ясную Поляну американцы воспроизвели на фонографные валики четыре отрывка, прочитанные Львом Николаевичем на русском, английском, немецком и французском языках. Записи эти, очень удачно исполненные, были увезены в Америку, где, возможно, хранятся и поныне.

Осенью 1909 года в Ясную Поляну был доставлен прибор для звукозаписи на граммофонные пластинки. Тогда была проведена последняя запись голоса Толстого, сделанная за год до его смерти. Писатель прочитал на четырех языках мысли из книги «На каждый день».

Пластинки эти, доход с которых предназначался в пользу Общества деятелей периодической печати, в свое время получили широкое распространение.

Некоторые валики с голосом Толстого оказались в частных руках. Известен случай, когда некий полковник письменно запросил у Л. Н. разрешения приехать в Ясную Поляну со своим фонографом. Получив согласие, полковник прибыл и увез с собой валик, на котором была записана живая речь писателя.

Сохранившиеся до наших дней восковые валики не вечны: из воска улетучиваются эфирные масла, звуковые бороздки сжимаются. Поэтому, пока не поздно, надо торопиться перезаписать голос великого писателя на более прочный и долговечный материал.

[1] А. Б. Гольденвейзер — ныне директор Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского — один из друзей Л. Н. Толстого. Запись приводится из его книги «Вблизи Толстого». Т. I, стр. 208

А. Котов,

гроссмейстер

Вчера в этом зале был концерт. Сегодня он опять переполнен зрителями. Но обстановка здесь не совсем обычная. На эстраде вместо концертного рояля несколько маленьких столиков с расставленными на них шахматными фигурками. Полотна сцены закрыты причудливыми декорациями — на стальном каркасе укреплены огромные демонстрационные шахматные доски, на которых время от времени передвигают плоские фанерные фигуры. Около двадцати шахматистов попарно склонилось в глубокой задумчивости над столиками. В зале тишина, слышно лишь тиканье десяти

М. Ботвинник.

Дружеский шарж худ. Мих. Милославского

шахматных часов, прерываемое иногда легким шопотом одобрения. Внимательно наблюдают зрители за борьбой — бурной, но без всякого шума, «кровопролитной», но внешне спокойной. Происходит шахматный турнир.

Один из играющих делает ход, который немедленно воспроизводится на трехметровой доске, ход становится предметом обсуждения и критики зрителей. Красивую комбинацию, стремительную атаку публика встречает аплодисментами.

К концу дня темп игры заметно усиливается. Наступает период цейтнотов, когда на часах, отмечающих время на обдумывание ходов, остались считанные минуты. Ходы делаются с молниеносной быстротой, так быстро, что их не успевают повторить на демонстрационной доске. Некоторые партии закончены. Появляются надписи: «белые выиграли», «черные выиграли», «ничья».

Так выглядит обстановка шахматного турнира.

В двенадцатый раз собрались лучшие шахматисты нашей страны, чтобы померяться своими силами, выявить сильнейшего — чемпиона — по шахматам. Происходит ожесточенная борьба, в которой побеждает тот, кто обладает бо́льшими знаниями, сильной волей к победе, крепкими нервами.

Лучшие шахматисты страны соревнуются за самое почетное звание — чемпиона Советского Союза.

С олимпийским спокойствием ведет шахматную борьбу первый гроссмейстер Страны советов орденоносец Михаил Ботвинник.

Ни одно нервное движение, ни единый мускул лица не выдают напряженности его мыслей. Полное спокойствие. Облокотившись на стол скрещенными руками, он внимательно глядит на доску. Сделан ход, переставлена фигура на другое поле, переведены часы — все эти привычные движения говорят об уверенности, что трудная проблема, создавшаяся на доске, разрешена правильно: сделан лучший ход.

Ботвинник прошел блестящий путь шахматиста-практика. В 1925 году, во время международного турнира в Москве, в Ленинград приехал Капабланка. В ореоле славы «непобедимого» выступил чемпион мира в сеансе против тридцати ленинградских шахматистов. В партии против 14-летнего Ботвинника он вынужден был сложить оружие. Через тринадцать лет, в отборном по составу амстердамском турнире, Капабланке пришлось вторично испытать силу игры советского чемпиона. Великолепной комбинацией, полной фантазии, Ботвинник решил борьбу против Капабланки.

В пяти первенствах СССР участвовал Ботвинник, три раза завоевывал в них звание чемпиона. Противники встречают в нем победителя на трех международных турнирах и победителя в десятке других соревнований, проведенных в Советском Союзе.

Огромная эрудиция, опыт турниров и матчей, знание всех тонкостей шахматной игры дают Ботвиннику такую уверенность. Вот почему невозмутим и спокоен сегодня лучший шахматист Советской страны.

Иначе ведет игру второй советский гроссмейстер — Левенфиш. Весь его вид говорит об огромном напряжении, о тревоге за судьбу партии, о муках, в которых рождается каждый его ход. Охватив руками голову, он низко склонился над доской. Вдруг под столом заерзали ноги, легкое потирание ушей — и опять сосредоточенный взгляд обращен на доску. Быстрое, несколько нервное движение руки—ход сделан. Левенфиш поднимается со стула и большими шагами пересекает свободное пространство между столиками. Затем присаживается вновь и некоторое время смотрит на фигуры, как бы оценивая сделанный ход. Опять прогулка.

Почти тридцать лет назад, в 1911 году, получил Левенфиш звание шахматного мастера. Но настоящий расцвет его шахматного таланта произошел в последние годы. В двух чемпионатах СССР, в 1934 и 1937 годах, берет Левенфиш первое место. Замечательное единоборство двух сильнейших советских шахматистов — матч Ботвинник — Левенфиш в 1937 году — не приносит победы никому из противников. Он заканчивается с «ничейным» результатом. Левенфиш получает звание гроссмейстера.

Несмотря на пятидесятилетний возраст Левенфиш с каждым годом играет все сильнее и в каждом следующем турнире становится все более опасным противником. Сегодня внимание зрителей приковано к партиям блестящего тактика, изумительного мастера комбинационной игры — гроссмейстера Левенфиша.

«Турнир молодежи» — так называют двенадцатый шахматный чемпионат страны. Мастера старшего поколения вынуждены были уступить право на участие в турнире молодым шахматистам, воспитанным в послереволюционный период.

Только Левенфиш еще поддерживает знамя «стариков». Но и его принято считать «молодым» за вечно юный темпераментный стиль игры, за боевой задор, вкладываемый им в каждую шахматную партию.

Среди участников чемпионата страны самые молодые — Смыслов и Стольберг. Они получили звание мастера в возрасте 17—18 лет — два юных мастера страны с одинаковым ранним расцветом шахматного таланта, с ранними турнирными успехами. Но вместе с общностью шахматного пути, какое различие характеров!

Для Смыслова шахматы — логическая борьба, основанная на незыблемости законов шахматной игры. Фантазия, комбинации — это вспомогательные средства для достижения победы. Большая выдержка, уменье реализовать малейший перевес в позиции — отличительная черта игры Смыслова. Но, когда одной техникой нельзя сломить сопротивление противника, тогда на помощь призываются красивые головоломные комбинации.

Г. Левенфиш.

Дружеский шарж худ. Мих. Милославского

Не таков Стольберг. Кажется, что основная цель его борьбы — вызвать бурю на шахматной доске, создать такие головоломные осложнения, чтобы даже опытному шахматисту невозможно было в них разобраться. Не беда, что эти осложнения приводят часто к гибели того, кто их вызвал. Пешки, фигуры жертвует Стольберг без боязни риска и иногда не совсем правильно.

Может быть, с годами стиль игры Стольберга станет более уравновешенным. Но сейчас в первенстве СССР мы наблюдаем его смелую, агрессивную, рискованную игру.

Лучшие шахматные силы съехались в Москву на чемпионат. Мы видим в турнирном зале ленинградца Рагозина — неоднократного участника международных турниров. Его встречи с прославленными зарубежными гроссмейстерами очень часто кончались убедительной победой Рагозина. «Гроза иностранцев» — так называют Рагозина за его многочисленные выигрыши у лучших шахматистов мира. Ласкер, Флор, Решевский

А. Лилиенталь.

Дружеский шарж худ. Мих. Милославского

испытали силу рагозинской фантазии и были вынуждены сдаться, поверженные остроумными комбинациями Рагозина.

Впервые в первенстве СССР участвуют чемпион Украины — студент Днепропетровского университета Болеславский—и сильнейший львовский шахматист Герстенфельд. Победы Болеславского в чемпионатах Украины, триумф Герстенфельда в киевском полуфинале первенства СССР дают право надеяться, что они вступят в ожесточенную борьбу за лучшие места в настоящем турнире.

Поражает своим спокойствием чемпион Ленинграда Лисицин. Лишь иногда легкое покраснение его щек и ушей свидетельствует о том, что положение у него на шахматной доске напряженное.

С папиросой во рту играет свои партии чемпион Москвы Лилиенталь. Соревнуется с ним по красоте проводимых комбинаций и... по количеству выкуренных папирос талантливый ростовчанин Бондаревский.

Все свои силы, все уменье вкладывают участники чемпионата в каждую партию. Если сегодня некоторые терпят поражение, то завтра они с удвоенной энергией сядут за шахматы, чтобы взять реванш, чтобы не отстать от идущих впереди.

Увлекательна спортивная борьба в турнире, но не менее важна другая сторона шахмат — творческая. Завтра сотни тысяч шахматистов нашей необъятной страны будут разбирать эти партии, изучать их, учиться на них как на образцах шахматного искусства. Об этом знают участники турнира и поэтому так упорно обдумывают свои ходы, поэтому так старательно изучают они все тонкости позиции.

НЕФТЬ И ПОЛИТИКА. Несколько месяцев назад в Багдаде, столице королевства Ирак, при таинственных обстоятельствах был убит министр финансов Ирака — Хайдар Рустам. Убийство вызвало много толков. Некоторые газеты поспешили распространить версию, что покойник был убит «по мотивам лютой мести». Но в Багдаде никто не верил этой басне. Там знают, что Хайдар Рустам был ненавистен определенным кругам как горячий сторонник нейтралитета Ирака в нынешней империалистической войне.

Государство Ирак возникло после первой мировой войны. До войны это были три турецких вилайета, расположенные к западу от Ирана, в бассейне рек Тигра и Евфрата, до самого впадения их в Персидский залив.

Территория Ирака, или Месопотамская низменность, была когда-то колыбелью древнейшей вавилонской, затем мусульманской культуры. Занесенные песками пустыни остатки Вавилона, Ниневии и других древних городов до сих пор представляют большой интерес для археологов, восстанавливающих по отдельным чертам историю и культуру живших здесь в далекой древности народов.

Нефть, обнаруженная в конце XIX века на севере страны, в Мосуле является хозяйственным стержнем Ирака. Нефти Ирак обязан своим возникновением как государство и своим зависимым, полуколониальным положением.

Запасы нефти в Ираке достигают 35—40 миллиардов тонн, что составляет 10 процентов разведанных мировых запасов. Залегает здесь нефть глубоко, не менее 450 метров от поверхности земли, но бьет она мощным фонтаном, извергая много горючих газов. Геологически эти месторождения являются продолжением азербайджанских и иранских.

Иракская нефть принадлежит в основном английскому капиталу. Война 1914—1918 годов помогла англичанам уничтожить влияние германских капиталистов, прокладывавших себе путь в Месопотамию и к Персидскому заливу постройкой Багдадской железной дороги и завоевавших в свое время прочные позиции на севере, в нефтяном районе Мосуле.

Претензии на мосульскую нефть заявили также Франция и США. «Иракской нефтяной компании», то есть английскому капиталу, пришлось потесниться и уступить часть акций французам и американцам, но все же большинство акций осталось в руках англичан.

Франция, не имеющая своих источников нефти, настаивала на скорейшей постройке нефтепровода для перекачивания мосульской нефти к портам Средиземного моря. Возникли споры, куда вести нефтепровод. Франция добивалась его прокладки по территории подчиненной ей Сирии, к порту Триполи; Англия требовала вести его через Палестину к порту Хайфа. Было принято компромиссное решение. По иракской земле идет сдвоенный трубопровод до пункта Хадита. Отсюда он разветвляется на два рукава: французский — к порту Триполи и английский — к Хайфе. Постройка нефтепровода была закончена в 1934 году, и нефть пошла по трубам.

Согласно договору, заключенному на 75 лет, концессионеры отчисляют в пользу иракского правительства по четыре шиллинга с каждой тонны добытой нефти. Эти отчисления в общем составляют около 400 тысяч фунтов стерлингов в год. Доходы самой нефтяной компании достигают 200 миллионов фунтов стерлингов в год.

Нефть и исключительно важное стратегическое положение Ирака на подступах к Индии, Ирану, Турции, на сухопутных, морских и воздушных путях, соединяющих Запад с Востоком,— вот что притягивает к этой стране взоры империалистов.

В настоящее время война бушует у самых границ Ирака. Итальянские бомбардировщики совершают частые налеты на Хайфу и ее окрестности, стремясь разрушить нефтепровод и отрезать английский флот в Средиземном море от иракской нефти. Англия собрала в Ираке большие силы и ревниво оберегает свои позиции от покушения извне и изнутри.

ЛОНДОНСКИЕ НАСТРОЕНИЯ. Шведская печать сообщает о настроениях в Лондоне. Надняях в одном из западных кварталов английской столицы произошел случайный взрыв, вызванный утечкой газа. В некоторых домах были выбиты стекла. Как только произошел взрыв, раздались голоса, что немцы начали бомбардировку Лондона дальнобойными орудиями, установленными в Калэ. Гросвенор-сквер и Пикадилли наполнились бегущими людьми с противогазами. Многочисленные клубы и бары, которыми кишит этот район Лондона (впрочем, большинство клубов закрылось во время войны), переселились в погреба домов.

По сведениям той же печати, в последнее время в Лондоне наблюдается большое потребление алкоголя. В вечерние часы улицы Лондона переполнены пьяными. В связи с недостатком виски лондонцы компенсируют себя суррогатами; наблюдается немало случаев отравления.

ВОЙНА И КОКТЕЙЛЬ. Честному коктейлю наступил конец, жалуется лондонская газета «Сэндей экспресс». Тонкие знатоки этого напитка не могли себе представить коктейля без итальянского или французского вермута. Оказалось, что английские власти не только не были подготовлены к войне, но даже не предвидели необходимости в создании запасов вермута на случай войны.

Однако страстные любители коктейля из числа завсегдатаев английских клубов нашли выход. Они вспомнили, что, по англо-португальскому договору 1703 года, Англия обязана закупать в Португалии сорт портвейна, очень напоминающий итальянский вермут. По настоянию влиятельных клубов нашлись и средства и валюта для ввоза в течение каких-нибудь двух — трех месяцев 16 миллионов литров португальского портвейна.

Не обошлось, конечно, и без экскурсий в область истории. Вспомнили, что такое же катастрофическое положение с французским и итальянским вермутом и винами создалось и во время наполеоновских войн. Тогда Вильям Питт Старший также призвал «на помощь» Португалию с ее портвейном и красными винами.

Известные виртуозы по приготовлению коктейлей в аристократических клубах Лондона по секрету передают гостям, что так называемый португальский портвейн нисколько не уступает итальянскому вермуту. Они рекомендуют не верить португальской наклейке, ибо под этой этикеткой через Португалию контрабандой провозится в Англию самый настоящий итальянский вермут, оплачиваемый английскими фунтами стерлингов...

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

ЛЕНИН. К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ. 1870—1940 Государственное издательство «Художественная литература». 1940.

Один из авторов этого замечательного сборника, тов. М. Эссен, пишет, подводя итог своим воспоминаниям о Владимире Ильиче: «После смерти Ленина профессора, исследовавшие его мозг, говорили, что это мозг столетнего человека. За пятьдесят с небольшим лет он истощил свой гениальный мозг, каждая клеточка которого жила удвоенной жизнью. Без пощады изнашивалась драгоценная ткань, ибо даже такой мозг не мог выдержать напряжения, в котором жил, работал и боролся Ленин...»

Об этой «удвоенной жизни», о мощном горении величайшего гения нашей эпохи рассказывает объемистый том, выпущенный ГИХЛ. Свыше пятисот страниц большого формата прочитываются жадно, не отрываясь, интерес не ослабевает ни на минуту.

В сборник включены все наиболее ценные и значительные воспоминания о Ленине, написанные за шестнадцать лет, прошедших после смерти Владимира Ильича. Книга открывается непревзойденными по ясности и глубине сталинскими статьями и речами, дающими ключ к раскрытию образа Ленина. Вслед за статьями товарища Сталина помещена работа Горького, чей мастерский портрет «большого, настоящего человека мира сего» является шедевром художественной прозы. В воспоминаниях К. Ворошилова дан эпизод из эпохи 1905 года. Серго Орджоникидзе рисует Ильича в предгрозовые месяцы великого 1917 года. В сборник вошли известные воспоминания Надежды Константиновны Крупской, также А. И. Ульяновой-Елизаровой, М. И. Ульяновой и Д. И. Ульянова. Помещена и небольшая заметка Виктора Ульянова, племянника Владимира Ильича, с которым он любил гулять в Горках, в парке... «Вместе с Владимиром Ильичем мы ходили в парк собирать ягоды,— вспоминает о днях своего детства Виктор Ульянов.— Во время одной из таких прогулок меня долго уговаривали отдать собранные ягоды дяде, но я их неизменно съедал. Кончилось тем, что Владимир Ильич мне же подарил букетик из земляничных ягод».

О Ленине рассказывают на страницах книги десятки людей, которым посчастливилось работать под непосредственным руководством Ильича, делить с ним невзгоды ссылки, встречаться на партийных съездах и конференциях, разговаривать в Совнаркоме, трудиться на субботнике, сопровождать во время поездок на фабрики, заводы, в деревни, выполнять различные поручения Ильича.

Сталин как-то сравнил Ленина с океаном. Читая книгу, все более и более проникаешься чувством восхищенного удивления перед необъятностью этого океана, вбиравшего в себя реки многих человеческих судеб. Скольких людей знал Ильич! Среди авторов сборника видный партийный деятель и скромный библиотечный работник, командир Красной Армии и врач, зарубежный коммунист и колхозник, шофер и знаменитый писатель и т. д.

Книга эта призвана сыграть выдающуюся роль в коммунистическом воспитании трудящихся. Она не только рисует нам Ленина как организатора и вождя партии большевиков и Коммунистического Интернационала, как величайшего политического деятеля нашего времени. Книга вместе с тем в разнообразных эпизодах, деталях, черточках раскрывает душевные богатства Ильича, кристальную чистоту его, показывает источники того обаяния, которое исходило от Ленина, причины той горячей, неослабевающей всенародной любви, которой всегда окружен Ильич. Как много говорит, например, такой эпизод из воспоминаний профессора В. Розанова, лечившего Владимира Ильича после ранения его в 1918 году:

«Хотим проститься (я не помню, кто с нами здесь еще был, кажется, Мария Ильинична), Владимир Ильич встает как-то немного смущенный и говорит «на минутку», зовет в спальню. Протягивает одной рукой конверт В. М. Минцу, а другой — мне. И, буквально, конфузясь, говорит: «Это — за лечение, я глубоко вам благодарен, вы так много на меня тратили времени».

Мы с Минцем оба смешались на несколько секунд и держались за конверты, которые оставались в руках у Владимира Ильича. Выйдя из этого замешательства, я, наконец, сказал: «Владимир Ильич, может быть, можно без этого,— поверьте, мы рады, что вы выздоровели, искренно рады и благодарны за то, что вы выздоровели». Минц, тоже волнуясь, сказал что-то в этом роде. Владимир Ильич прищурился на меня, поглядел как-то пристально, бросил конверты, кажется, на постель, подошел почти вплотную, крепко, крепко пожал руку, взял меня рукой за плечо и, волнуясь очень заметно, произнес: «Бросим это... Спасибо! Еще раз благодарю!» Сказал он это так хорошо и искренно, что мне тоже хорошо стало. Он проводил нас до двери, еще раз пожал мне не руку, а плечо и сказал: «Если что-либо нужно будет,— скажите».

Государственное издательство «Художественная литература» сделало огромной важности дело, выпустив этот сборник, который, без сомнения, станет одной из самых любимых книг советского народа.

М. Г.

ШАХМАТЫ

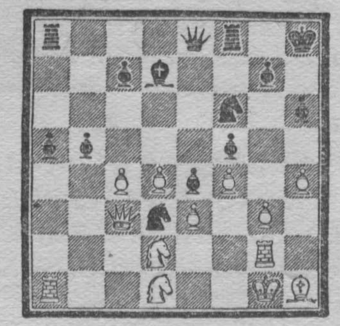
Под редакцией гроссмейстера А. Котова

Роль пешек в шахматной партии очень разнообразна. Создавая своим построением так называемый «пешечный костяк», они дают направление в позиционной игре.

Но не меньше их роль и в комбинациях.

Комбинации, основанные на превращении пешек в ферзя и другие фигуры, являются наиболее красивыми шахматными комбинациями.

Приводим пример из партии чемпиона мира по шахматам Алехина против Боголюбова из международного турнира в Гастингсе в 1922 году.

На очевидный ход белых
1. Лa1 : a5 . . .

Алехин ответил далеко рассчитанной комбинацией, начинающейся ходом:

1. . . . в5 — в4!
2. Ла5 : а8 в4 : с3
3. Ла8 : е8 с3 — с2!!
4. Ле8 : f8+ Kph8 — h7

Теперь на доске появляется новый, черный ферзь, причем ценность его увеличивается тем обстоятельством, что белые фигуры занимают крайне неудачные позиции.

5. Kd1 — f2 c2 — c1Ф+
6. Kd2 — f1 Kd3 — e1!
Угрожая матом 7... Kf3
7. Лg2 — h2 Фc1 : c4

Вновь угрожает быстрый мат после 8. Св5. Это заставляет белых отдать качество.

8. Лf8 — в8 Cd7 — в5
9. Лв8 : в5 Фс4 : в5
10. g3 — g4 Ke1 — f3+
11. Ch1 : f3 e4 : f3
12. g4 : f5 Фв5 — e2!

Теперь белые фигуры в цугцванге.

На 13. Kh3 следует изящный финал 13. Kg4! 14. Л : е2 f : е и у черных появляется еще один новорожденный ферзь.

13. d4 — d5 Kph7 — g8
14. h4 — h5 Kpg8 — h7

Черные дожидаются, когда у противника иссякнут пешечные ходы и он будет вынужден сделать ход, ослабляющий позицию.

15. e3 — e4 Kf6 : e4
16. Kf2 : e4 Фе2 : е4
17. d5 — d6 c7 : d6
18. f5 — f6 g7 : f6
19. Лh2—d2 Фе4—е2!

Просто и изящно. Черные на минуту делают себе еще одного ферзя и затем получают пешечный эндшпиль, выигрыш в котором несложен.

20. Лd2 : e2 f3 : e2
21. Kpg1 — f2 e2 : f1Ф+
22. Kpf2 : f1 Kph7 — g7
23. Kpf1 — f2 Kpg7 — f7
24. Kpf2—e3 Kpf7—e6
25. Kpe3 — e4 d6 — d5

Белые сдались.

КРОССВОРД

СОСТАВИЛ ЧИТАТЕЛЬ «ОГОНЬКА» Б. И. АДАМОВИЧ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

4. Дерево.
6. Сорт яблок.
8. Эмблема государства.
10. Кушанье.
12. Местоимение.
13. Растение.
15. Спортивный термин.
18. Наименование театра.
19. Животное.
21. Пищевой продукт.
22. Письменный приказ.
23. Священный город мусульман.
28. Образованный, культурный человек.
34. Легкая форма тифа.
35. Бессмыслица, нелепость.
36. Наносный слой на дне реки.
37. Гибрид верблюда, самец.
38. Жвачное животное.
39. Вес товара с упаковкой.
42. Отдых в полуденное время в жарких странах.
43. Тригонометрический термин.
48. Спортивная игра.
50. Возвышение в храме.
51. Исполинская змея рода удавовых.
52. Деревня в горах.
54. Химический элемент.
56. Американский писатель XIX века.
57. Название персидских и армянских царей.
59. Тропический фрукт.
61. Междометие.
62. Расточитель.
63. Нарост на голове некоторых животных.
65. Конечность человека.
67. Женское имя.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Вечнозеленый кустарничек.
2. Спиртной напиток.
3. Постоянная геометрическая величина.
5. Нота.
6. Птица.
7. Участок земли, засаженный плодовыми деревьями.
8. Род антилоп.
9. Вид спорта.
13. Газ.
14. Государственная награда.
16. Приспособление для ловли животных.
17. Лестница на корабле.
20. Немецкий физик.
24. Голая, неизолированная проволока.
25. Южные плодовые деревья.
26. Церковный головной убор.
27. Краткий эпиграф в начале книги или главы.
28. Слабоумный человек.
29. Японская мера объема.
30. Млекопитающее отряда насекомоядных.
31. Порода собак.
32. Человек, ведущий суровый, воздержанный образ жизни.
33. Расход.
40. Мужское имя.
41. Нота.
44. Торговый город в древней Греции.
45. Мебель.
46. Банкротство.
47. Растение.
49. Оклик в лесу.
51. Животное рода грызунов.
52. Индейская народность, живущая в Перу.
53. Язык древних римлян.
55. Загородный дом.
58. Лирическое стихотворение.
60. Земельная мера.
64. Земельная мера.
66. Пресмыкающееся.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 24 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Лир. 3. Корифей. 8. Спартак. 12. Лейбниц. 13. Нимфа. 16. Ибсен. 17. Неофит. 18. Тициан. 19. Атлас. 21. Анонс. 23. Силлогизм. 25. Ларго. 27. Акант. 30. Купидон. 33. Конвой. 34. Ехидна. 36. Раб. 39. Эрот. 40. Агора. 41. Олимп. 42. Финн. 44. Кир. 47. Тамара. 48. Тантал. 49. Аполлон. 51. Эллин. 53. Гарун. 55. Ассамблеи. 58. Красс. 61. Бонза. 63. Адонис. 64. Смирна. 65. Нерва. 67. Ромео. 68. Мемуары. 69. Индуизм. 70. Кантата. 71. Аар.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

2. Изба. 3. Кентавр. 4. Ромул. 5. Франс. 6. Перикл. 7. Киники. 9. Афина. 10. Тассо. 11. Каносса. 14. Корсо. 15. Сигма. 20. Арагва. 22. Нунций. 24. Обида. 26. Гайдамаки. 28. Клеопатра. 29. Колонат. 30. Каморра. 31. Никитин. 32. Аннибал. 35. Нэп. 36. Рак. 37. Бор. 38. Инд. 43. Лаплас. 45. Ислам. 46. Антуко. 50. Викинги. 52. Набоб. 53. Гидра. 54. Власова. 56. Спикер. 57. Ламарк. 59. Атрид. 60. Саади. 61. Барон. 62. Немка. 66. Кура.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР — И. ШАМОРИКОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

Адрес редакции: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Тел. К 2-96-12, К 4-28-45. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

Оформление И. Уразова. Стат. формат 275×360 мм. 1/8 доля, 1½ бум. листа Техредактор — А. Котельникова.

А 31216. Изд. № 854. 3 п. л. Знаков в п. л. 105 000. Сдано в набор 24/VII—40 г. Подписано к печати 30/VIII—40 г. Зак. 2522. Тираж 300 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Огонек
Цена 50 коп.